ОБРАЗОВАНИЕ ДУШИ

(ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ: ОПЫТ БИБЛИОТЕЧНОЙ РАБОТЫ)

В одном из интервью писатель Аркадий Арканов посетовал: "Не вижу в мире ничего примитивнее, чем расслоение людей, индивидуальностей, по национальному признаку. К моему глубочайшему сожалению и недоумению, это, увы, грустная реальность. Мечтаю о том, что люди все-таки когда-нибудь поумнеют и начнут судить друг о друге по делам и поступкам, а не по цвету волос, кожи, не по длине носа и пятому пункту анкеты. Национальность людей - это краски жизни. А не повод для мордобоя".

Национальное разнообразие в нашем сознании, как богатство, как ценность людского сообщества, практически не формируется, а предубеждения относительно разных народов и культур очень живучи и существуют с давних времен.

Что сегодня происходит в мире? Куда ни посмотришь, везде нерешенные, загнанные в тупик проблемы: войны, терроризм, этнические чистки, озлобленность, ненависть. И причиной тому унижающая человека вражда к людям других племен.

Национальные проблемы во многом - зеркальное отражение нашего обывательского мира. Очень легко ввести людей в заблуждение, разорвать тонкие нити общения людей разных национальностей, ведь предрассудки постоянно таятся в человеке, угрожая его сознанию.

Предубеждения отнюдь не безвинны. История антисемитизма, из-за которого принесены в жертву человеческой нетерпимости миллионы жизней — наглядное доказательство того, какую опасность они таят.

Мы очень мало знаем друг о друге. Отсутствие уважения к другим нациям и народностям - еще одна из причин уродливых явлений в национальных отношениях. Только во взаимодействии, во взаимообогащении возможен расцвет каждой из национальных культур.

Помочь людям разных национальностей осознать это – важнейшая задача, стоящая перед учреждениями культуры. Это долговременный процесс, предполагающий кропотливую просветительскую работу, ибо этнические принципы выше существования нации.

Представленные здесь обзоры и сценарный материал посвящены главным образом еврейской культуре и создавались не для евреев или не евреев, а для большинства населения ЕАО, так как именно это большинство несет ответственность за сохранение прав меньшинства, за их возможность самоидентификации и самовыражения без боязни быть непонятыми. Эти сценарии написаны в разное время к дням еврейской культуры, праздникам еврейской книги, юбилейным датам, а также по заказам государственных учреждений и общественных организаций. Эти материалы можно использовать в работе с людьми любой национальности, так как еврейская культура, еврейская мудрость общечеловечна и общезначима не только вследствие древности и первородства ее, но и по силе гуманности, по высокой оценке ею человека. Она учит терпению и умению размышлять.

Я посчитала уместным поместить в книгу обзоры изданий, которые интересны не только по содержанию, но и по структуре построения материала. Каждая часть или глава в них может стать темой бесед, вечеров, дискуссий и других форм общения.

Эта книга обращена в первую очередь к работникам культуры, но настоящий ее адрес шире. Она для всех, кто интересуется еврейской культурой, историей и литературной жизнью Еврейской автономии.

ЕАО: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Еврейская автономная область уникальна прежде всего тем, что сегодня это единственная автономная область России, тем, что титульная нация нашей автономии – евреи. Если все нации и народности в условиях нынешнего всплеска самосознания направляют свои усилия на возрождение национального языка и культуры, то в ЕАО нет еврейских корней, она была создана специально как национальная административно-территориальная единица со всеми правами, установленными советским законодательством для автономных областей, входящих в состав Российской Федерации.

Наша область вместе со всей страной пережила и радость созидания своего Дома, и горечь несправедливой национальной политики советского времени. Евреи, приехавшие на Дальний Восток в начале 30-х годов строить "свою государственность", верили в будущий расцвет еврейской жизни. Область удалось построить. Она переживала период удивительного расцвета. И пусть религиозное образование и иврит в Советском Союзе были "вне закона", зато "дозволенными" формами национальной жизни евреев стали образование, литература, пресса, театр на идиш.

Уникален и наш город Биробиджан, центр Еврейской автономной области. Вместе с переселенцами, преимущественно из городов и местечек степной части Украины, из Белоруссии: рабочими парнями, студентами вузов и техникумов, строителями, с первыми эшелонами на станцию Тихонькую (впоследствии – г. Биробиджан) прибыли еврейские писатели Виктор Финк, Давид Хайт, Наум Фридман. Среди первых еврейских писателей сюда приехал Меир Альбетрон, автор уже известной к этому времени книги "Шахты". По путевке ЦК Компартии Украины в 1931 году приехал с семьей Генах (Генрих) Казакевич, один из первых редакторов газеты "Биробиджанская звезда". Вместе с ним приехал его

сын Эммануил. Отсюда, затем через огненные рубежи Великой Отечественной войны, шагнул он в большую советскую литературу, чтобы остаться в ней навсегда такими произведениями, как "Звезда", "Весна на Одере", "Дом на площади", "Сердце друга". Вспоминая о Казакевиче, Наум Фридман, журналист и писатель, отмечал: "Юность, если она настоящая, да еще к тому же талантливая, не может, не должна щадить себя. Этим жизнь движется".

Самоотдача, самоотверженность как потребность собственной души, как высшее счастье для самого себя – так понимали молодые будущие поэты и писатели, приехавшие строить г. Биробиджан, свое назначение.

Талантливые люди: уже признанные мастера культуры и литературы и только начинающие, привнесли в наш город высокую духовность и непохожесть на другие таежные новостройки. Здесь открылись национальные школы, в том числе еврейские, еврейский педтехникум, еврейское отделение Дальгиза, еврейский государственный театр, литературная студия, две областные газеты (на еврейском и русском языках).

В мае 1935 года отмечался первый юбилей области, ее годовщина. Это событие было названо в местной печати триумфом сталинской национальной политики, а затем последовал призыв: "В борьбе с врагами народа, под руководством партии превратим нашу область в цветущий край!". Это уже был старт геноцида. А конец 40-х годов памятен биробиджанцам до сих пор. Закрылись еврейские школы и техникумы, еврейская литература оказалась самой опасной среди национальных литератур. Книги на идиш, любовно собранные крупными библиотеками страны и приехавшими переселенцами, горели в костре. В огне погибло более 30 тысяч изданий. Библиотекари сумели сохранить только четыре тысячи книг на идиш. Закрылся еврейский театр, а газету "Биробиджанская звезда" обвинили в национализме.

Вместе с книгами уничтожали и травили опасных писателей, как буржуазных националистов, не желающих признавать свои ошибки в творчестве, их арестовали и судили по статье 58, п.2. Это - 10 лет сталинских лагерей. Газете "Биробиджанер штерн" разрешили существовать, ее национальными признаками были язык идиш и горсть еврейских фамилий, но жизнь еврейская не освещалась.

Советская власть развернула кампанию по ликвидации еврейской культуры по всей стране. Но больше всех пострадала Еврейская автономная область. Только начав развиваться, как национальная автономия, она была "подрезана" практически под корень. И тем не менее несмотря на сталинский террор, страшные годы гитлеровского нашествия жители области верили, что горечи и трудности уйдут в прошлое.

Со смертью Сталина "черные годы" советских евреев остались позади, однако политика времен Хрущева была половинчата, обманутые люди уже слабо верили в будущее развитие национальной культуры и самосознания. Еврейский вопрос был настолько больным, что предпочиталось об этом молчать. Только в 1978 году в нашей областной библиотеке был вновь открыт сектор национально-краеведческой литературы, создан справочный аппарат литературы на языке идиш.

Благодаря реформам М. Горбачева, в 1985-1991 годах начался рост национального самосознания в России и странах СНГ. Вышло много законов, зафиксировавших достоинство культуры народов, их прав и свобод, право на сохранение культурно-национальной самобытности, языкового суверенитета. Но того замечательного кадрового потенциала в области уже нет. Еврейские языки знают единицы.

Сегодня наша область – многонациональный субъект Российской Федерации. Здесь созданы национальные общины, национальные общества, которые занимаются вопросами культуры и языка: религиозная еврейская община "Фрейд", клуб "Эйникайт", корейская национальная община "Чинсон – Единство", украинский национальный клуб "Свитанок" и т.д. Жители области языкам и традиции учатся заново, вновь познают историю и культуру еврейского народа.

Есть еще один аспект, о котором необходимо сказать в связи со всем вышеизложенным. Город Биробиджан, с которым у большинства его жителей связано много и радостного и горького, стал для них самым дорогим и любимым местом на свете. В Биробиджане родились и выросли дети первостроителей, дети их детей, их внуки. Здесь всегда была и остается прекрасная духовно-человеческая атмосфера. Благородство, интеллигентность, культура межнациональных отношений –

основное богатство, оставленное нам теми, кто любил эту землю и строил здесь свое будущее.

Как бы ни оценивали политики, журналисты, историки и ученые опыт образования ЕАО, ее жители считают основным завоеванием то, что здесь нет проявлений антисемитизма и есть возможность осознавать себя евреем открыто, без страха.

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ

В ПОМОЩЬ ФОРМИРОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Областная научная библиотека им. Шолом-Алейхема - центральная библиотека Еврейской автономии - выполняет на территории функции национальной. Она не только держатель произведений печати на национальных языках, но и обладатель наиболее полного систематизированного собрания изданий в ЕАО. Поэтому среди социальных институтов ей принадлежит особое место и она способна оказывать населению большую помощь в восстановлении языковых традиций, получении необходимых знаний по истории, этнографии и культуре своего народа.

С 1990 года библиотека сделала немало. Учитывая возросший интерес населения к еврейской культуре, из общего фонда была выделена литература еврейской тематики на русском языке. Создан справочный аппарат "Иудаика", издан путеводитель редких и ценных изданий "Евреи о себе и мир о евреях", стали традицией книжные выставки-просмотры "На еврейской улице", "Войди в еврейский мир", праздники еврейской литературы, дни еврейской культуры. Но это – односторонняя связь. Хотелось найти возможность разговаривать с людьми на еврейскую тему.

Помню странную реакцию одного из бывших редакторов газеты "Биробиджанская звезда" на выставку, организованную на абонементе областной библиотеки. Она называлась "Договоримся о терминах". Было начало 90-х годов. На выставке выделялись слова: сионизм, национализм. Рядом с Большой Советской Энциклопедией были представлены статьи прогрессивных деятелей России по поводу этих понятий: Д. Лихачева, А. Сахарова и других. Понятия отличались от трактовок БСЭ. Страх – вот главное чувство, которое тогда охватило нашего читателя. Страх... Вот и обозначилась главная проблема, мешающая доверительному общению. Было ясно, что до свободного национального сознания и возможности самовыражения людей, прятавших даже от самих себя

свое происхождение, было еще далеко. Мне очень хотелось, чтобы люди, хотя бы те, кто приходил в библиотеку за книгами еврейской тематики, стали более открытыми. А чтобы вести с ними разговор необходимо было учиться самой. Я окунулась в историю, философию, литературу еврейского народа - огромный мир, очень сложный, захватывающий, удивительный... И сама не заметила, что эта работа стала для меня не столько профессиональной, сколько глубоко личной.

Фонд областной научной библиотеки представляет собой многообразие культур, а русская культура наиболее близка населению Биробиджана, русскоязычному в своей основной массе. В русской литературе есть множество подтверждений уважения к еврейскому народу, еврейской, духовной культуре, особенно в литературе серебряного века. Немало прекрасных страниц, талантливо написанных писателями мира, посвящены библейским образам, еврейским героям и персонажам. Еврейские мотивы пронизывают литературу всех народов мира.

Соединение талантливых произведений представителей разных народов для подтверждения вечной истины о ценностях человеческих и стало моим основным подходом к созданию сценариев. А лейтмотивом было изречение Анатолия Приставкина о том, что спасение личности идет через Слово. Слово, способное смягчить человеческие нравы и внушить людям надежду на будущее, внушить при помощи правды, одухотворенной желанием помочь своему народу.

В истории еврейства есть три главные эпохи: Библейская, Диаспора и Государство Израиль.

– эпоха Библейская, великая эпоха, давшая миру Библию. Однако наши читатели знают об этой эпохе меньше всего, хотя герои Библии (Танаха, Священного Писания), несомненно, являются самыми известными образами человеческой истории. Мы то и дело встречаемся с ними в искусстве и литературе, упоминаем в своей речи.

Обычно то, что “каждый знает”, не удостаивается должного внимания, а кроме того, стиль библейского повествования всегда сух и беспристрастен, без попытки проникнуть в психологию действующих лиц и анализа мотивов их поступков, труден для восприятия. Но именно бла-

годаря сухости стиля текст Библии производит сильное впечатление. Каждая фраза в нем важна как намек или иносказание, полные огромного смысла, находящие отклики в душах людей всего мира.

На протяжении многих поколений возникли тысячи легенд (легенда на латыни означает "то, что надлежит прочитать") о каждом библейском персонаже. Каждый персонаж приобретал полноту и материальность в творческих трактовках Талмуда, в устной традиции, в библейских мифах и сказаниях, в современных литературных произведениях.

Мифы и мифология – великое наследие культуры человечества. Только при ощущении неразрывности связи времен, связи традиционных народных культур и культуры нового времени становятся доступными поэзия Гете, Шиллера, Пушкина, Цветаевой, Кузьминой-Караваевой, драматургия Шекспира, живопись Леонардо да Винчи, Тициана, Боттичелли, Рембрандта и др.

Мифология – это вариант целостного представления о мире, культурологическая база, подготавливающая к последующему изучению всех наук: истории, философии, словесности, мировой художественной культуры, биологии, географии, астрономии и др. Мифология – первый умственный словарь человечества, его первая педагогическая система, считал Гегель.

Знакомясь с мифологическим миром изнутри, читатели пытаются найти свои самостоятельные ответы на главные вопросы истории человечества: откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?

В 1990 году вышли в Москве "Библейская энциклопедия" и "Мифологический словарь", а чуть ранее, в 1988 году, - энциклопедия в двух томах "Мифы народов мира" – издания, которые помогают в работе с читателями, особенно с молодыми.

Хорхе Луис Борхес, выдающийся аргентинец, писатель-библиотекарь, словно советовал коллегам: *"Следует приветствовать пристрастие к энциклопедиям. Сочетание на одной странице не сочетаемых загадочных цивилизаций, народов, языков, растений, видов оружия волнует воображение порой больше, чем систематическое изложение*

авантюрных историй. Это библиотека в миниатюре, вмещающая в себя весь мир, расположенная в алфавитном порядке".

Из первых ранних книг назову "Библейские сказания" Зенона Косидовского (М., 1966 г.). В его вступлении читаем: *"Если я писал о судьбах древних культур, то делал это именно потому, что искал жизнеутверждающее начало истории, ту путеводную нить человеческого прогресса, которая пробивается через бурные периоды войн, мрака, жестокости..."* В приобщении к литературе любого периода, любой культуры важно обращаться прямо к текстам. *"Я не учил любви к тому или иному тексту*, - находим у Х. Борхеса, - *я учил своих студентов любить литературу, видеть в ней счастье".* На мой взгляд, библиотекарь, восхищенный текстом талантливого автора может передать читателю свое чувство и помочь ему открыть то или иное произведение. Особенно это важно в работе с детьми. Им ведь невдомек, что Ветхий Завет – кладезь гуманистического опыта человечества. Религиозные тексты, отлитые в строгие притчевые формы, отпугивали маленьких гимназистов до революции, и сегодня современные дети, дети мультсериалов, с трудом воспринимают текст Священного Писания.

Замечательный русский писатель Саша Черный (А. Гликберг) считал, что из Сказаний надо изгнать все пугающее и непонятное для маленького читателя, населить их живностью, вдохнуть человеческое тепло в окаменевшие за века мифологические фигуры. А сверхзадачей, подвигнувшей поэта на переложение библейских мифов, было стремление привить начатки добра детской душе, которая так податлива к хорошему и плохому.

"Главный рычаг образования души есть, несомненно, слово", – писал Чаадаев. Сказки на библейские сюжеты Саши Черного восхищают людей любого возраста. В одном из стихотворений он сказал о себе: "Мне триста лет сегодня, а может быть, и двадцать, а может быть, и пять". Именно в этом триединстве - библейской мудрости, житейского опыта и простодушия ребенка - залог успеха Саши Черного как поэта и писателя. Впервые "Библейские сказки", обнаруженные в эмигрантской печати, вышли в серии "Из литературного наследия" в 1991 году (М., Книга).

Еще один пример соединения любви к Ветхому Завету и писательского таланта - работа советского исследователя, историка, члена Союза писателей Якова Кумока “Черное солнце Когелет” – о книге “Экклесиаст” (Год за годом. Лит. ежегодник, 1988. - №4. –с. 318-375).

Философские размышления и исторические соображения соединяются здесь с эмоциональной увлеченностью текстом. Его горячее, неакадемическое восприятие соответствует духу самого памятника, в котором поэма одного из величайших лириков древности “Экклесиаст” соединяется с проповедью философа и исповедью человека, чью горечь и страдание мы ощущаем как близкое, личное.

“Мощные, дивные стихи, перечитываешь их и странное предчувствие охватывает, что в крутых напевах схоронен ответ, нужно только предаться воле Экклесиаста и отправиться за ним и вместе с ним одолевать извилистый и тернистый путь и пережить мучительное борение, какое пережил его дух...” Эта поэма написана 30 веков назад. Переведена на все языки мира. В ту далекую эру, - пишет Яков Кумок, – *каждый еврейский ребенок на вопрос: «Скажи, откуда все взялось?» – в ответ слышал неподражаемо величавые стихи: Бэрэйшит – бара элохийм эт ха шамаим ва эт хаэрэц... - Вначале сотворил Бог небо и землю... Перевод не передает эту запечатленную в подлиннике музыку Творения, шелест Пустот и грохот Мирозарождения... Бэ, рэ, ша...”*

Становится понятно, что тексты, по возможности, необходимо воспроизводить в подлиннике. Сейчас в нашем городе это стало возможным. Студенты факультета англо-идиш Биробиджанского педагогического института вполне способны это делать, так как факультативно изучают иврит.

Юношам и девушкам, познающим опыт любви, следует открыть Песнь Песней, роскошную, необыкновенно чистую при всей своей эротичности, поэзию.

Как-то мне довелось услышать разговор двух женщин, мам, любящих своих детей, справедливо считающих, что мама у любого народа – женщина, любящая беззаветно своих детей. Почему же выделяют еврейскую женщину, еврейскую маму? Это явилось толчком для написа-

ния сценария “Дочери Сиона”, оказалось, что ответ также можно получить в Священном Писании (Танахе).

Наиболее разработаны темы: “Диаспоры (рассеяния)”, “Катастрофа мирового еврейства”, “Евреи в России”, “Советская еврейская литература”, “Еврейские традиции и праздники”. А сколько еще нераскрытых? К примеру: “Жизнь в изгнании: в разные времена, разные эпохи”, “Еврейские политические и национальные движения”, “Еврейская эмиграция”, “Еврейское национальное образование и воспитание”, “Развитие сионизма”, “Европейский антисемитизм”, “Участие евреев в военных действиях (1794-1967 гг.)” и т.д.

Основные темы “Диаспоры” в нашей библиотеке: “Еврейские мотивы в русской и мировой литературе”, “Евреи в мировом пространстве”, “Жизнь и творчество еврейских писателей в России”, “Национальное краеведение”.

«Шолом-Алейхем», «Перец Маркиш», «Исаак Бабель», «Эфраим Севела», «Игорь Губерман»... - вот неполный перечень литературных вечеров-портретов, проведенных в областной библиотеке.

Вечера-портреты писателей, поэтов, создавших талантливые произведения еврейской тематики, как правило, вызывают у людей желание читать и понимать, что искусство слова – необходимая часть еврейской культуры.

А в 1998 году в областной научной библиотеке состоялась научно-практическая конференция “Евреи в России и ЕАО: восстановление исторической памяти, образования и культуры”. В ней участвовали ученые, преподаватели хабаровских и биробиджанских вузов. Это стало Событием, ибо впервые на территории ЕАО открыто обсуждались проблемы еврейства, их философские и культурные аспекты, а также судьба евреев в России вообще и Еврейской автономной области в частности. Материалы научно-практической конференции запросили все крупные библиотеки страны, библиотека Конгресса США и др.

Государство Израиль Совсем недавно, еще в начале 80-х годов в нашей библиотеке была всего одна книжка об Израиле, да и то по экономике, 1960 года издания, но из нее можно было почерпнуть скудные сведения о стране, ее читали постоянно. К концу 80-х в фонд

поступили из государства Израиль учебные, справочные издания на иврит и русском языках, издания библиотеки “Алия”, художественная литература писателей Израиля.

Интерес к государству Израиль велик еще и потому, что часть наших земляков живет там. В Израиле есть город Маалот, побратим нашего города, там живут родители и дети жителей Биробиджана, потому всегда людно на вечерах, посвященных независимости Израиля, на праздниках рождения Иерусалима.

Лучшей книгой об Израиле я считаю путеводитель “Израиль” из серии “Окно в мир” (М., 1993 г.). Это очерки по истории, археологии, экологии, культуре, религии, искусству... Это возможность путешествия по городам и улицам Израиля, знакомства с его людьми; очерки, написанные с большой любовью и уважением к стране.

Я счастлива, что в этой работе меня постоянно поддерживали талантливые люди: музыканты народного театра скрипачей, артисты областной филармонии, театра кукол “Кудесник”, энтузиасты, способствующие восстановлению традиций и исторической памяти еврейского народа, научные сотрудники, преподаватели вузов, журналисты.

СЦЕНАРНЫЙ МАТЕРИАЛ

ЗНАКОМЬТЕСЬ, БИРОБИДЖАН

(ВЕЧЕР-ВИЗИТКА)

Шалом! Так приветствуют друг друга люди иногда в нашем городе. Это значит: “здравствуйте” на языке иврит. “Шолом-Алейхем” – “Мир Вам” – звучит приветствие на языке идиш.

Мы расскажем вам сегодня о нашем любимом городе. Историки, политики, ученые и журналисты сломали немало копий, размышляя или доказывая, нужны ли были наш город Биробиджан и Еврейская автономная область вообще, зачем наш город поставили на болотах и еще над многими почему и зачем.

Но вот он есть, он живет, он живой и ему, Биробиджану, пошел седьмой десяток лет. И мы покажем вам его изнутри так, как не опишет ни один заезжий политик и журналист.

К началу рассказа подойдет как нельзя кстати гарик Игоря Губермана:

«Такой же, как наша, не сыщешь на свете
Ранимой и прочной душевной фактуры,
Двух Родин великих мы блудные дети:
Еврейской земли и Российской культуры»,

имея в виду нашу биробиджанскую землю, “Еврейский дом”, как любят, правда, с иронией, говорить заокеанские журналисты.

Наш город получил название от двух рек – Биры и Биджана.

Поскольку ничего в этом мире не бывает случайным, то не случайна эта земля, где когда-то жили чжурчжени, народ высокой цивилизации, эта тайга и чистые, прозрачные воды рек.

И частичка “джан” в окончании названия “Биробиджан” не случайна, очевидно, она указывает на избранность, дань уважения. Ведь неда-

ром на Кавказе с удивлением узнают, что город с таким названием – русско-еврейский...

Биробиджан отмечен еще и тем, что в начале 30-х годов сюда приехали талантливые люди, одни – уже признанные мастера культуры и литературы, другие – начинающие. Их тонкий ум, интеллигентность, образованность – привнесли в наш город высокую духовность и непохожесть на другие таежные новостройки. Здесь открылись еврейские школы, Государственный еврейский театр, литературная студия, издательство, газеты: "Штерн" на языке идиш и областная газета "Биробиджанская звезда". На скромной сцене театра шли пьесы на идиш Переца Маркиша, Шолом-Алейхема, Бориса Миллера. Признанный мастер еврейской литературы Давид Бергельсон посвятил нашим землякам свой сборник "Биробиджанцы".

Отсюда, из нашего города, пришел в большую литературу Эммануил Казакевич, Эмка, как его здесь называли, успевший поработать председателем колхоза "Валдгейм", журналистом, директором еврейского театра.

Его первая книжка вышла в нашем городе и называлась "Биробиджанстрой". Это здесь он искренне написал:

Становлюсь я похожим на эти края
Не прохожий,
А общего дела участник.
Присушила меня,
Полюбила меня
Та земля, на которой я счастлив.

Свое первое стихотворение в 16 лет напечатал в нашей газете Арон Вергелис, бывший редактор журнала "Советиш Гейм-ланд", т.е. "Советская Родина", выходившего многие годы.

Здесь, на нашей земле, состоялся другой, очень талантливый поэт Исаак Бронфман, первая его книжка на идиш "По светлым дорогам" вышла в Биробиджанском издательстве в 1947 году.

На русском языке стихи этих авторов и поэтессы Любы Вассерман, приехавшей в Биробиджан из Палестины, Бориса Миллера, бывшего редактора областной газеты “Биробиджанер штерн” и других появились в 60-х годах в переводах хабаровских и биробиджанских поэтов, большую часть из которых перевел поэт Виктор Соломатов, член Союза писателей России, живущий в Биробиджане.

Звучит музыка Владимира Терлецкого.

Идиш в нашем городе звучал повсеместно еще до конца 80-х годов на улицах, скамейках в парке, на сцене народного еврейского театра. Но и сегодня русская речь перемешивается с еврейскими словами, интонация здесь держится разом на информации и вопросе, за каждым русским словом видны ушки языка идиш.

И люди разных национальностей, волнуясь и переживая, вместо “Бог мой” (горе мне), говорят “Вей из мир”, “А зохен вей”, “Зайн гезунд” и т.д. А объясняя значение еврейского слова, называют слово на идиш, не находя аналога в русском языке, причем чаще всего это делают совершенно русские люди. Что поделаешь, еврейский колорит силен.

Русские слова с еврейским акцентом создают иногда совершенно забавные сочетания. К примеру “Где вы сохнете белье?”, “Ви уже выходите уродина?” – имея в виду остановку у кинотеатра “Родина”.

Рассказав о чем-то, прибавляют “чтоб я так жил”, “таки да?”, вместо “Вы” часто звучит “Ви”, а мягкий знак в конце слова просто не произносится.

Евреи в нашей области всегда были тружениками: пахали землю, работали на фабриках и заводах, трудились на своих так называемых дачах. Мамы любой национальности, желая счастья своим дочерям, мечтали об еврейских зятьях.

Звучит мажорная еврейская музыка
(музыка Терлецкого или попурри из еврейских мелодий).

Еврейская музыка так мелодична, а танцы так зажигательны, что их любят все, исполняют на свадьбах, юбилеях и праздниках. А еврейские песни поют и русские люди. “Тум балалайка”, “Варничкес”. Представляю Вам солистку областной филармонии Любовь Смирнову.

Иногда, касаясь больной еврейской темы, говорят иронично: “В России евреи есть, вопроса нет”. А если без иронии, то это про наш город.

Жил в Биробиджане милый мальчик, умеющий писать стихи. Его охотно печатали в областной газете “Биробиджанская звезда”. Сегодня этому мальчику уже пятьдесят лет, в его дипломе давно стоит профессия “поэт”, он член Союза писателей России, выросший как поэт и личность в Биробиджане. Это поэт Анатолий Кобенков.

В поэтическом сборнике “Менора”, изданном в Москве в 1993 году, его стихи отмечены звездочкой, как никогда ранее не печатавшиеся, в связи с тем, что написаны на еврейскую тему. А жители нашего города знакомились с ними сразу же после написания – более тридцати лет назад.

УЛОЧКА

Мне кажется, что век тому назад
Я так же брел по этой тихой улочке,
И та же дверь скрипела в старой булочной,
И продавщица щурила глаза;
И старикашка в тереме-киоске,
С глазами голубыми, будто лето,
У старичка брал деньги за газеты
И говорил ему:
- Послушай, Еселе,
Послушай, таер,
Разве это плохо,

Что мы имеем счастье говорить
И вечером с работы приходить,
И кушать цимес, и на теплый локоть
Старушек жен затылок положить.
И говорить им ласково о прошлом,
О ценах на продукты, на картошку
И думать, сколько нам осталось жить,
И засыпать...
О, Еселе, послушай!...
И Еселе кивает, и идет,
Покачиваясь медленно и мерно,
И новости читает в старом сквере
И желтой спичкой долго чистит уши...
Вот улочка моя.
Уж целый век
Она встречает женщину утрами,
А женщина с усталыми глазами,
А женщина – хороший человек.
И кажется,
Что я ее любил
Давным-давно...
Она ведь так близка мне:
Мы вместе с ней топтали эти камни,
Мы вместе с ней поведаем любым
Смешную сказку нашей старой булочной
И песенки, что пели мостовые,
Ведь только мы одни не позабыли,
Что век живем на этой тихой улочке...

Есть еще один вопрос, который интересует большинство живущих за пределами нашей области. Сколько евреев в Биробиджане?

Ну, сколько же их? Судите сами, если мы с Мариной Смирновой, ведущей этот вечер вместе со мной, одной национальности, но она рус-

ская, а я украинка. А дочь моя и внук, у которых русские отцы, числятся в Израиле евреями. Нет, мы не входим в состав 4 процентов евреев, обозначенных статистикой. Но таких, как мы с Мариной, здесь немало, каждый второй.

Исход евреев из России начался давно, но не в нашем городе. Уезжают они вопреки своим желаниям.

В нашем Отечестве стало тяжело всем, людям любой национальности. А может быть, исход предопределен свыше? Ведь сказано в Библии: Вот приходят дни, говорит Господь, когда не будут уже говорить, жив Господь, который вывел сынов Израилевых из земли Египетской. Но жив Господь, который вывел сынов Израилевых из земли Северной и из всех земель, в которые изгнал их: ибо возвращу их в землю их, которую Я дал отцам их.

А сегодня в поисках работы русские завидуют евреям и ищут еврейские корни аж в четвертом поколении.

Сценку в Биробиджанском ОВИРе подсмотрел журналист Валентин Пасманик, прочитает его зарисовку Лариса Федоровна Лебедкина, хозяйка литературной гостиной областного радио.

Звучит еврейская мелодия, скрипка.

О, эти расставания на вокзале, в аэропорту, где друзья детства впервые осознают разницу между собой, где впервые ощущается боль и горечь расставания, это даже таможенники понимают. Эта боль в стихах Риммы Лавочкиной, молодой биробиджанской художницы, пробующей себя в поэзии.

И пока открыты двери
Во земную благодать
Мои кровники – евреи
Едут счастие искать.

Кто запрет и кто осудит
Перелетных журавлей?
Только кровушка в сосуде
Знает то, что я еврей.
И от Бога в наказанье
Позапутан древний род,
Но сегодня на вокзале
Мой непонятый народ.
Он распутывать не будет,
Впереди его исток,
Потому и едут люди
От Востока на Восток.
А во мне — полно России,
По березовым парам
Ходит бабушка Рахиля,
Ходит дедушка Абрам.
Никнут ивы-королевы,
Спит кладбищенский острог
По Валдгеймской дороге
Весь еврейский городок.
Весь его похоронили
В роще мраморных пеньков.
Спят Абрамы и Рахили,
Их Израиль далеко.
И выпутывают внуки
Из систем и из пород
Свои головы и руки
И уходят в свой народ.
Сяду ночью думу думать
В нарисованном раю,
И кому, такая дура,
Я Россию отдаю?
Русь из трестов и арестов,
И к евреям не нежна,
Для протестов нету места
И кому я здесь нужна?

Есть в Израиле маленький городок Маалот, из 17 тысяч его граждан – 4 тысячи наших земляков. Этот город – побратим Биробиджана. Живут они там, отмечая российские праздники, вспоминая наши улицы и наши дворы, отмечая юбилеи школ, собираясь вместе: сослуживцы, одноклассники, соседи...

Разъехавшись, жители нашего городка ощущают оторванность, разорванность, нелепость существования, когда одна часть семьи там, а другая – здесь. Это состояние моих земляков выразил поэт Семен Богуславский.

Мой русский внук, ты пишешь на иврите,
А я, еврей, на русском языке.
Сместилось все, но что ни говорите,
Об этом я не думаю в тоске.
Россия для тебя – воспоминанье,
И каждый день включаешь ты ТВ.
И мне не удивительно признанье,
Что ты еще скучаешь по Москве.
А для меня Россия – это песня,
Которую я не устану петь.
Дожить бы, чтобы чище и прелестней
Была б та песня, только бы успеть.
Российские люблю стереотипы:
Поэзию, природу, женский лик.
И душу.
А когда в цветенье липы
Я плачу, хоть от слез давно отвык.
Не рвусь себя к другим богам причислить,
Но своего я тоже не отдам,
Я не могу о родине помыслить
Без нежности к российским городам.
Все больше смешанных, все меньше чистокровных,
Я тоже чистокровный, ну и что ж?

Я русскому по паспорту не ровня,
А с иудеем языком не схож.
В Израиле в гостях, в России дома
Живу, а сердце рвется пополам,
И удивительной судьбой ведомый
Иду, и кажется, что я ни здесь, ни там.
И где бы, солнце, ты не закатилось,
Взойдешь везде, рождая свет во мгле.
Сместилось все. Но все и совместилось,
Чтоб жить на общей родине-земле.

Так что же такое Биробиджан? Наш город называют заповедным раем. Оттого, что здесь исполняются лучшие ветхозаветные заповеди и оттого, что Биробиджан – заповедник прекрасных национальных отношений. Это подтверждает своим стихотворением местная поэтесса, русская женщина Алла Акименко.

Плодоносящий маленький
Израиль...
Я твой росток,
попавший на Восток...
Тем,
самым первым,
изгнанным из рая,
Бог все ж оставил
райский уголок...
Все говорят,
что городок курортный,
Кто хоть однажды
в гости приезжал,
Живет во мне любовью
первородной
Мой райский уголок –
Биробиджан.

И пусть я
не ихудия по крови —
На идише мне город
детства пел
Мотив негромкий
тополиной кроны...
И Сарра мне качала
колыбель.
Я примечаю:
на большой планете
Такие благодатные места,
Где путеводной
звездочкою светит
Избранник Бога
и народ Христа...
В оправах лиц
усматриваю лики,
Любовь и скорбь
вселенскую —
в глазах...
Народ, который о себе
“великий”
Другим
еще ни разу не сказал...
И каждый, как пчела
в янтарных сотах,
За дело взявшись,
толком завершит...
Коль по-еврейски,
без ленцы,
работать,
То можно
по-еврейски
“сладко” жить...

Среди берез и сосен
величавых
Земля моя добрее
и мудрей,
Покуда рядом
с головой курчавой
Свет миру дарит
мой собрат – еврей...
Надежно ненавязчивое
братство,
Общение не в тягость –
только всласть...
Мне никуда вовек
не оторваться...
Где проросла –
там крепко приросла.

Наш город никогда нельзя было назвать провинциальным, каким его описывали Гоголь, Салтыков-Щедрин и тем более Шолом-Алейхем. Здесь всегда была высока планка культуры.

Биробиджан жил богатой театральной жизнью. Он знавал многих знаменитых артистов, которые, кстати, восхищались замечательной сценой областной филармонии. Даже в крупных городах нет таких зданий!

Вам, безусловно, будет знакома мелодия, которая сейчас прозвучит. Вы слышали ее не раз по Всесоюзному радио. Она является своеобразной визитной карточкой Дальнего Востока.

Звучит песня "Над тайгой заря занимается".

Эта песня пришла на Всесоюзное радио из нашего города. Написал ее Роальд Васильев, композитор, почетный гражданин города.

Наш город сегодня может похвалиться своими научно-исследовательскими институтами, научными сотрудниками, академиками и профессорами.

Посмотрите на горожан. Это удивительные люди. Главное, чего здесь нет, - антисемитизма. Здесь евреи имеют возможность осознавать себя таковыми, а русские интересуются еврейской культурой.

Сегодня в Биробиджане еврейские языки учат и русские и евреи, русские родители отдают детей в еврейскую школу, так как знания никогда лишними не бывают.

Можно по-разному подходить к нашей автономии: “с камнем за пазухой” или благожелательно. Но, независимо от всяких мнений опыт такого содружества наций положителен, потому так дорог Биробиджан всем, кто здесь хоть немного прожил.

Любовь к родному городу лучше других выразил Леонид Школьник, поэт, журналист, бывший редактор областной газеты “Биробиджанер штерн”:

Скрипят озябшие качели
И грустен парк по вечерам,
А мы ничуть не постарели,
Осенний мой Биробиджан.
Сентябрьским днем, июльской ночью –
Ко мне добры любой порой
Черемуха у старой почты,
Скамейка в парке над Бирой.
Я уезжал и не однажды,
Но всякий раз – вблизи, вдали –
Пересыхала, как от жажды,
Душа без этой вот земли:
Без этой – с сопками крутыми,
Без этой – с морем сараны...

И пусть не всем известно имя
Моей таежной стороны –
В любых изысканных столицах,
В чужих гостиницах – всегда
Мне этот город светлый снится
И светлая моя Бира.
И повторять я не устану:
Пусть есть прекраснее края,
Но здесь, у Малого Хингана,
Душа прописана моя!

Поэзия и музыка нашего города проникнуты любовью. А песни Р. Васильева – сплошное объяснение в любви.

Конечно, в каждом городе есть песни ему посвященные, но чаще всего они посвящены какому-то событию. Песни нашего города существуют сами по себе, как музыкальные произведения.

Звучит песня о Биробиджане
(автор Р. Васильев).

Дорогие гости! Желаем вам успехов на нашей земле. И пусть все будет так, как писал биробиджанский поэт Генрих Койфман:

Кто видел этот край порой вечерней,
Запомнить тот навечно обречен
В ночи цветов черемухи свеченье
И колокольцев ландышевых звон.
И лунный блеск проселочной дороги,
И кедрача таинственную сень,
И гор Хинганских синие отроги,
И тишину уснувших деревень.
Кого рассвет на той земле разбудит
Лучом колючим, чистым пеньем птиц,
Тот ни за что на свете не забудет
Простора, что не ведает границ.
Ни голосов, звенящих над рекою,

Ни перезвона кос в сырых лугах,
Ни ощущенья тихого покоя,
Ни рос обильных на крутых стогах.
А тот, кто от восхода до заката
День проживет в краю моем родном,
Влюбленностью за этот день заплатит,
В ту землю, на которой мы живем.

(Песня о Биробиджане продолжается).

БЕНЕФИС ГАЗЕТЫ "БИРОБИДЖАНЕР ШТЕРН"

Дорогие друзья! Уважаемые гости, наши соседи-газетчики! Мы привыкли встречаться здесь по праздникам. А разве на нашей улице сегодня не праздник? Разве эти дни октября 1991 года не станут историческими? – Дни еврейской культуры в нашем городе.

А сегодня день особенный! Мы его дарим вам, сотрудникам газеты "Биробиджанер штерн", в знак благодарности за стремление возродить еврейскую культуру. Мы чествуем газету "Биробиджанер штерн"!

Газета – предмет, несомненно, одушевленный, и мы настаиваем на этом, несмотря на возможные возражения лингвистов. Каждый номер – это сплав души тех людей, которых принято называть журналистами, хотя слово "газетчики", на наш взгляд, более профессиональное, разве что менее броское.

Из рядов скромных газетчиков вышли драматурги и поэты, прозаики и публицисты. Газета – старт многих в большую литературу. Хотите убедиться?

(Звучит голос А. Вергелиса.
Стихи из композиции "Над нами неба высота".)

Знаком вам этот голос? Да, это Арон Вергелис, редактор журнала "Советиш Геймланд", автор многих стихотворных сборников на еврейском и русском языках. В литературу он вступил в 1934 году шестнадцатилетним мальчиком, дебютировав в газете "Биробиджанер штерн".

(Звучит музыка В. Терлецкого "Слушайте все".)

Стихи А. Вергелиса ассоциируются со звездным началом газеты “Биробиджанер штерн”.

Как всякое одушевленное создание, газета проходит отпущенный ей век, как и все мы, по вехам биографии.

(Звучит флейта из песни “Мои друзья” Терлецкого
или увертюра из оперы-мистерии Ю. Шерлинга
“Черная уздечка для белой кобылицы”.)

Она родилась в 30-м году, и первым ее редактором стал Генах Казакевич, отец Эммануила Казакевича, Эмки, который впервые напечатался в Биробиджане, и ему впоследствии было суждено прославиться как мастеру советской прозы.

Годы уходят, но подшивки старых газет остаются, и вместе с людской памятью они помогают приподнять завесу тумана давности и представить юную “Биробиджанер штерн”, но без лести...

К сожалению, сотрудникам газеты было не до архива, а мы сохранили ее лишь с 1935 года.

(Показываем планшет

Звучит мелодия, характерная для того времени.)

Каждый номер газеты отмечен портретом сатрапа XX века и его приспешников, но украшают выпуски совсем другие имена. Мы видим подпись редактора Эммануила Казакевича, радуемся живым рисункам художника Абрама Мильчина, да, того самого А. Мильчина, который позже стал автором памятника Ерофею Хабарову на привокзальной площади краевого центра... Мы с интересом читаем рецензию Наума Фридмана на спектакль Государственного еврейского театра. Мелькают фамилии замечательных актеров Иосифа Гросса, Ефима Гельфенда, Мани Карлос.

Биробиджанскому театру – истинному проводнику еврейской культуры - суждено было умереть молодым как очередной жертве сталинс-

кого режима, но в тридцатых годах на скромной сцене театра нашего города шли пьесы на идиш Переца Маркиша, Шолом-Алейхема, пробовал свои силы в драматургии Э. Казакевич.

В одном из номеров юной однополосной "Штерн" мы читаем об успехе его комедии "Молоко и мед" – сюжет из жизни первых переселенцев области. Пчеловод и доярка убедили старожилов Приамурья в том, что евреям по плечу "деревенский" труд.

В этом спектакле впервые прозвучала музыка местного композитора Семена Рабунского, отдавшего ГОСЕТу немало творческих сил. Песенку из этого спектакля сейчас споют сотрудники газеты "Биробиджанер штерн" Шнеер Коник и Бетти Гершкова. К сожалению, текст комедии у нас не сохранился, но артисты еврейского народного театра любезно согласились исполнить сценку из спектакля "Гершеле из Острополья", которая долгое время была в репертуаре Государственного еврейского театра.

(Шнеер Коник и Бетти Гершкова.)

Газетные номера сравнительно мирного еще 35-го года хранят материалы, достаточно точно передающие романтику таежной новостройки. И ведь она была, эта романтика! Многое сейчас кажется нам наивным, нелепым и порой смешным, но герои очерков, заметок, коротких информаций вызывают глубокую симпатию, ибо это люди большого трудолюбия, чистых помыслов и детской доверчивости. Они еще не ведают, в какие дебри заведут их кремлевские прорабы социализма.

Итак, коротко об интересном, разумеется, по давним материалам виновницы торжества.

(Мелодия.)

Маленькая деревянная артель, занимавшая уголок улиц Димитрова и Ленина, именовалась не иначе, как "Колесо революции", выпуская отнюдь не помпезную мебель, означенную в перечне прочего ассортимента сложным словом "табуретка".

- Сообщение рабкора об ударном труде столяра Поляка, выпустившего за смену на 10 табуреток больше плана, заканчивалось лозунгом: “Назло врагам построим социализм”.

- В мае 1935 года отмечался первый юбилей области, ее годовщина. Это событие в газете названо триумфом сталинской национальной политики, а затем последовал призыв: “В борьбе с врагами народа, под руководством коммунистической партии превратим нашу область в цветущий край”.

Это уже был старт геноцида под фарисейским знаменем “Кадры решают все”. Ах, какие это были прекрасные кадры! Звезды «Штерна»: Бузи Миллер, Люба Вассерман, Григорий Рабинков, Сальвадор Боржес пришли в “Штерн” почти одновременно и на всю свою жизнь остались друзьями.

(Показываем фотографии, звучит мелодия...)

Талантливые, искренние, порядочные люди, они обладали обостренным чувством справедливости. Они знали о существовании подлости, но сами существовали как бы вне ее.

(Розенбаум “Вальс 1937 года”.)

Мы продолжаем шагать по страницам биографии газеты.

Еще в 1940 году “Биробиджанер штерн” можно было назвать национальной, самобытной газетой. Широко отметили биробиджанцы тридцатилетие литературной деятельности Бергельсона, живо обсудили премьеру ГОСЕТа “Элка Руднер”. Читателям были предложены произведения Любы Вассерман, Бузи Миллера и других членов литературной группы. Регулярно печатались материалы, посвященные развитию музыкальной культуры в области.

Коротко об интересном.

Перед войной в нашем городе побывал заслуженный артист РСФСР Ефим Шейнин. Вот что он написал перед отъездом в газете: “Только в школе №2 более 200 учащихся обладают заметными музыкальными

способностями, а у двадцати четырех мальчиков и девочек эти способности выдающиеся".

Но грянула война, и кто знает, скольких талантливых певцов-исполнителей не досчиталась наша страна, а ведь некоторые из них прославили бы и наш город...

(Музыка.)

В годы Великой Отечественной газета на идиш не издавалась, а конец 40-х годов до сих пор памятен биробиджанцам. Закрылись еврейские школы и техникумы, что же касается еврейской литературы, то она, как основной рассадник буржуазного национализма оказалась самой опасной среди прочих национальных литератур, потому так долго пылал костер из библиотечных книг на идиш в котельной нашей типографии. В огне погибло 33 тысячи изданий. Вместе с опасными книгами уничтожали и травили опасных писателей. В редакции уже нет Любы, нет Миллера, Фридмана, Рабинкова, их, как буржуазных националистов, не желающих признавать свои ошибки в творчестве, арестовали и судили по статье 58, пункт 2. Это десять лет сталинских лагерей.

Для того чтобы дело приобрело широкий общественный резонанс, назначили экспертизу по материалам газеты "Биробиджанер штерн". Выяснилось, что газета, которую редактировал Миллер, "тенденциозно и односторонне помещала материалы, в которых многие вопросы развития хозяйства и культуры страны освещались главным образом с точки зрения участия в них представителей еврейской национальности, подчеркивалась необходимость развития еврейской культуры и языка. Указывалось, что евреи впервые в истории строят свою автономную государственность" и так далее и тому подобное.

Шло время. На наших улицах перестала звучать еврейская речь, читателей "Штерн" становилось все меньше. Жизнь текла, как по Ильфу и Петрову.

(Показываем планшет *)*

И пусть основным признаком национальной газеты “Штерн” был идиш и горсть еврейских фамилий, газетчики сохранили веру в будущее своей газеты, в ее расцвет.

Хочется сегодня поклониться старейшим работникам газеты, сохранившим идиш:

Надо сказать, что юмор никогда не изменял газете и пусть сверхбдительные цензоры, и осторожные редакторы сдерживали его натиск в меру своих сил, не давая волю смеху на газетных полосах, зато он вовсю гулял по редакционному помещению. Правда, и тут площадь была ограничена – все отделы помещались тогда в одной комнате – стол к столу, как на коммунальной кухне и, представьте, никто друг другу не мешал. Не так ли, Валентин Донович?

А зохен вей! Каждый занимался своим делом. Макс висел на проводе, часами выжимая от председателей совхозов отчеты о севе кукурузы, Ицик восторженно демонстрировал всем приходящим серый брусок силикатного кирпича, который приволок из командировки в Приамурский, Абрам Кизер сочинял байки о несуществующих трудовых рекордах доверчивому ответсеку, Саня Розенфельд, представляющий отдел писем, принимал авторов.

Говорят, в свое время посетители редакции были весьма примечательными личностями?

Не то слово, это были люди, достойные пера Шолом-Алейхема и авторов “Золотого теленка”. Взять хотя бы Лазаря Дегтяра. Пардон, Вашего однофамильца. Сначала, помнится, в дверях появлялся его внушительный нос, потом старая фуражка бывшего связиста, затем сам Лазарь Семенович в потертом пиджаке и с большой, вечно грязной матерчатой сумкой. “Санечка, я до вас”, - с порога сообщал посетитель и почти бесшумно подходил к столу Розенфельда. - “Не хочу вам докучать, но вы только послушайте, что происходит”. “Послушаем”, - соглашался Саня, на лице которого отражалось ноль эмоций. Зато остальные обитатели коммунального кабинета заметно оживлялись в предвкушении занимательной паузы.

- Санечка, вы, конечно, знаете Бенчика и не вам говорить, что он по утрам выметает с улицы все без разбору. Между нами говоря, на днях я

нашел на куче мусора три рубля, чтоб он уж был так здоров. Но иногда Беня просто зарывается. Сегодня, например, бросил в урну дохлую кошку. Если хотите, могу вам показать. – И Лазарь Семенович бросает выразительный взгляд на свою сумку. Машинистка Рая взвизгивает и тотчас выбегает из кабинета, кое-кто из мужчин невольно поднимается со стула...

- Не надо, – флегматично резюмирует Саня, - не надо показывать. Ободренный Лазарь продолжает:

- Не беспокойтесь, Санечка, я отнесу эту кошку в санэпидемстанцию, где ей самое место. Но дальше – больше. Вы слышали, что в нашем дворе поставили новые сараи? Нет? Так я вам говорю, что это так. Все люди, как люди – заняли свои места, а Бенчик – ну что вы о нем скажете? – вселился в мой сарай, да еще и замок на него повесил – вот такой! Поэтому, Санечка, я и побежал до вам, но сначала кое-что и сам надумал, на первый случай.

- Что же? – без всякого любопытства вопрошает Саня.

- Как что?! Я повесил еще один замок – свой старый!

И Дегтяр победно водружает снятую было фуражку на свою лысину.

Силен, однако, был мой однофамилец. Но я слышал еще и о Доне Симховне Гитиной. Тоже исторический автор.

Доня Симховна! Маленькая, худенькая старушка, очень бедно одетая – жила на маленькую пенсию, да еще и сыну помогала. Удивительно энергичное создание. Она буквально ошарашивала нас тематикой своих писем. То ей вздумается прославить автора песни “Дело было под Полтавой”, то вдруг бабуля возмутится, что в наших магазинах нет в продаже... медиаторов (нам бы и теперь ее хлопоты), и Саня терпеливо разыскивает в толковом словаре, что сей предмет означает. Оказывается – пластмассовая штучка для игры на гитаре. Доня Симховна и гитара... - сами понимаете... Иногда она ударялась в политику и писала примерно так: “До революции все в Одессе принадлежало бельгийскому обществу, даже трамвайная линия... Евреи жили очень бедно (читайте Горького “Мои университеты”).

Что касается выдержек из писем, то...

То это из цикла “нарочно не придумаешь”. Вот наши старые выписки. Давайте прочтем.

Цитирую ту же Доню Симховну, которая поднялась до тем морали: “... за десять лет своей совместной жизни с мужем она (ее соседка) сумела семь раз свестись и развестись и неизвестно сколько бы раз они сходились и разводились, если бы он... не скончался”.

Рабкор Вайсерман: “С первого января наша фабрика приступила к пошиву дамских пальто, начиная с ясельного возраста”.

Из зарисовки селькора: “Коровы стояли в загоне и молчаливо жевали сено” или “...в результате халатности у этой птичницы остались три курицы, из которых два петуха”.

А вот гневная жалоба: “За недопуск общественного контролера к материальным ценностям и за обзыв его личности я требую привлечь к строгой ответственности директора магазина №3”. Рабкор Затынайченко.

И привлекли?

Отправили письмо для принятия мер в соответствующую, как говорится, инстанцию. Кстати, эти инстанции присылали нам ответы, которые и поныне хранятся в памяти старых газетчиков. Пожаловались как-то жители железнодорожного поселка на плохое освещение виадука – страшно ходить через этот мост в позднее время. Начальник станции товарищ Шпилько незамедлительно ответил так: “Сообщаю, что виадук станции Биробиджан-1 освещен двумя лампочками, что вполне достаточно. Частая перегораемость лампочек создает видимость неосвещенности”. Каково?

Или такая переписка. “Уважаемая редакция, моя соседка Иванова держит козла, к которому водят коз, а налогом Иванову не облагают”. Послали жалобу в райфо – куда же еще? И поступил ответ, который раньше мы не решились бы обнародовать, но сейчас такие, так сказать, сексуальные темы не закрыты. Итак, ответ: На ваше письмо сообщаем, что гражданка Иванова действительно имела выгоду от случек с козлом. На нее наложен штраф в размере и так далее...

Наверное, были и поэтические опусы?

Еще какие! До сих пор помню стихотворение дежурного по станции Кирга:

Поезда бегут, прося свободу,
Все сигналы точно говорят:
Красный – стой! Зеленый – можно с ходу!
Желтый – тише, перегон занят!

Опубликовали?

В стенгазете. Автору же ответили, что даже Ицик Бронфман не смог перевести этот шедевр на идиш.

Рубрика "Имя в истории города".

Было бы несправедливо не вспомнить Леонида Школьника. Самого молодого советского редактора 80-х годов. Газета при нем стала 8-полосной, открылась школа молодого журналиста для выпускников школ. Редакция давала рекомендацию талантливым школьникам для учебы в МГУ, это был старт в сегодняшний день, где главное: освещение жизни представителей еврейской национальности, содействие развитию еврейской культуры и языка и еврейский вопрос!

А газета переживает свою вторую молодость. Редактор стал еще моложе – Владимир Белинкер. Вместе с ним появилось множество молодых журналистов, не знающих пока еврейского языка, но любящих еврейский язык, культуру, чувствующих ритм сегодняшних перемен.

"Биробиджанер штерн" сегодня:

- это двуязычная газета;

- это новые интересные рубрики, которых раньше газета не знала: "Имя в истории города", "Наши читатели – кто они", "Встречи с земляками", "Мишпоха", "Киндерлих", новая политическая рубрика "Точка зрения" и "Семь сорок".

(Звучит мелодия.)

"Биробиджанер штерн" сегодня – это и рекламное приложение "Ди вох" - свидетельство того, что газета занимается бизнесом. Это и международные связи: поток иностранных журналистов и делегаций в газету не ослабевает.

Это клубы – “Клуб деловых людей” и клуб женщин “Вайбл”, клуб “Мамэ лошн”, принесший газете известность в Союзе и за рубежом. “Мамэ лошн” – это идиш, родной язык. Среди нас находится председатель клуба Николай Бородулин, старший преподаватель Биробиджанского пединститута.

Пожалуйста, Вам слово, Николай Михайлович.

Представляем героиню одного из очерков, активную участницу всех заседаний клуба Кристину Тиссен. Тебе нравится в клубе? Давно ты изучаешь еврейский язык?

Кристина и Ира Непряхина исполняют песню на иврите...

Язык искусства не знает национальности. Не нужно быть обязательно евреем, чтобы понять еврейскую поэзию, еврейскую музыку и созданную еврейским художником картину. Надо быть просто человеком. Искусство – это язык нашего единства. И потому на страницах “Штерн” все чаще помещены стихи и ноты к еврейским мелодиям, репортажи из музеев. Один из художников, с кем познакомились читатели – Александр Шуриц. На улице Шолом-Алейхема живут его родители, первостроители области. Он один из наиболее интересно представленных художников коллекции “Ветхий завет” областного художественного музея. Именно с его работ началась эта коллекция, обещающая стать уникальной в стране.

Мы познакомились с интересным художником из Москвы Александром Элмаром, создающим свои картины на библейские темы. А в том, что о них узнали читатели “виновата” Александра Гаврилова. С ее приходом в еврейской газете зазвучала нездешняя речь с явно выраженным белорусским акцентом. Любовь к газете и городу ощущается в каждой ее строчке.

Пожалуйста, Саша, слово Вам (Вместе с Элмаром).

(Звучит мелодия “Семь сорок”.)

Похоже, “Штерн” и “Ди Вох” пытаются составить антологию еврейского анекдота. Литературный жанр, не подчинившийся никакой цен-

зуре и выдержавший все режимы, в городе так популярен, что газета намерена публиковать анекдоты постоянно.

Когда родился первый анекдот, никто не знает. Записанные на бумаге, они теряют свою сочность и неповторимость, данную им личностью рассказчика, но опубликованный анекдот становится свидетельством истории, часто более точным и метким, чем многие монографии ученых-исследователей.

Конечно, некоторые старые анекдоты могут показаться нам сегодня не смешными и не злободневными. Но их необходимо сохранить, считает газета "Биробиджанер штерн", потому что их создатели и рассказчики получили в свое время уникальные гонорары – годы лагерей, ссылок, тюрем, а многие поплатились за них и жизнью.

Итак, год

- Лева, как ты относишься к Советской власти?
- Как к жене: люблю, но очень боюсь.

Первые рассказы Исаака Бабеля о Конармии. У Буденного спросили:

- Вам нравится Бабель?
- Хм... Смотря какая бабель.

Экономические трудности, очереди на биржах труда.

- Ты знаешь, Соня, нам очень повезло.
- Как может теперь кому-то повезти?
- Представь себе. У нас в семье все чернявые, у всех глаза узкие. Так два моих сына хорошо устроились. Они работают в Коминтерне китайцами.

* * *

- Ося, ты не знаешь, откуда это были родом Адам и Ева?
- Конечно, из Советской России.
- Что ты говоришь?

- Ну а кто это еще босой, голодный, с одним яблоком на двоих будет считать, что он в раю?

Хаймович стоит в очереди и бормочет:

- Проклятая жизнь... Проклятая жизнь...

К нему сразу подходит чекист в гражданской одежде:

- А ну, пройдемте...

- Так я же говорю – проклятая жизнь там, в капиталистическом мире...

- Так я вам и поверил. Знаем мы, где проклятая жизнь!

- Скажи-ка, друг, что это там чернеет впереди? Не жиды ли?

- Да нет, рояль.

- А что это там белеет? Не жиды?

- Да нет, это клавиши.

- А из чего они сделаны?

- Из слоновой кости, говорят.

- Бедные слоны, и им от жидов житья нет!

Помните, Люба Вассерман писала в "Штерне":

... И вечно будут радоваться люди
Любви и дружбе на моей планете,
Всеобщему согласию и миру
И единенью братскому сердец.

Единенье братское сердец... Разве это не та мечта, что витает сейчас над растревоженной нашей страной.

Газета жива своими читателями. Вот одно из читательских писем, из Белоруссии.

В газетном буме перестройки человек устает от безудержного потока информации. Там убийство, тут грабеж, здесь атомная катастрофа, борьба за власть, переходящая границы порядочности и так далее. Иные просто перестают читать газеты и выписывать их, чтобы защитить ус-

тавшее сердце от огромного количества безобразия, свалившегося на читателя за годы перестройки.

И вдруг среди всей этой суеты попадается спокойная добросердечная газета – это ваша "БШ". Журналисты "Биробиджанер штерн" дают возможность спокойно, без нервотрепки посидеть с газетой в руках, подумать вместе с ними над смыслом жизни, поразмышлять о той же перестройке, но с долей заботы о человеке – не убивают его постепенно тяготами существования, а дают возможность почувствовать уверенность в завтрашнем дне.

Спасибо Вам за теплоту газетных строчек, за сердечность по отношению к читателю.

(Звучит песня "Чтобы не было войны" В. Терлецкого. Вокальный ансамбль.)

ДОЧЕРИ СИОНА

(ЛИТЕРАТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ)

Издавна люди уважали
Одно старинное звено,
На их написано скрижали:
Любовь и Жизнь – одно –

писал поэт Николай Гумилев, обращаясь к "людям будущего".

Любовь и жизнь невозможны без женщины.

Первую женщину звали Ева (Хава – что означает – жизнь). Ее жизнь разве не предостережение человечеству о том, как могущественна женщина и как велика ее роль в мире?

Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. И в телесных, и в духовных болях призывают ее. Сказано мудрым: "Мир без женщины есть скала, лишенная цветов". И общеизвестно: "Если лишить землю цветов, то две трети ее жизнеспособности исчезнет".

Женщину воспевали все поэты на Земле. А мы подчас скорее помним имена этих женщин, нежели поэтов, воспевавших их: Беатриче, Лаура, Франческа, Елена...

Но даже великий Шекспир признавал, что никто не смог лучше древнего поэта, автора "Песни песней" воспеть женщину.

В 106-м Сонете Уильям Шекспир писал:

Когда читаю в свитке мертвых лет
О пламенных устах, давно безгласных,
О красоте, слагающей куплет
Во славу дам и рыцарей прекрасных.
Столетьями хранимые черты –
Глаза, улыбка, волосы и брови

Мне говорят, что только в древнем слове
Могла всецело отразиться ты...

И в самом деле, вот как описывал девушку древний поэт:

Как прекрасна ты, милая,
Как ты прекрасна –
Твои очи – голубицы
Из-под фаты,
Твои волосы – как козье стадо,
Что сбегает с гор гилеадских,
Твои зубы – как подстриженные овцы,
Возвращающиеся с купания...
Как багряная нить твои губы,
И прекрасен твой рот,
Как разлом граната твои щеки
Из-под фаты.
Как Давидова башня твоя шея,
Вознесенная ввысь...
Аромат ноздрей твоих,
Как запах яблонь.
Не уклоняй очей твоих от меня,
Ибо они волнуют меня...

Красоту еврейской женщины признавали и многие современные поэты: Марина Цветаева...

Еврейская девушка – меж невест –
Что роза среди ракит!
И старый серебряный дедов крест
Сменен на Давидов щит.
От черного взора и красных кос
В глазах твоих – темный круг.
И целое дерево райских роз
Цветет меж библейских букв.

Валерий Брюсов:

Красивые девушки еврейского племени!
Я Вас наблюдал с тайной дрожью в мечтах:
Как черные волосы упруги на темени,
Как странен огонь в Ваших черных очах!
В Варшаве, и в Вильно, и в задумчивом Тальсене
За Вами я грустно и долго следил
И все мне казалось: стремитесь Вы в вальсе
Неизбежном над тайной могил.
Как будто в Вас ожили виденья библейские
И матерь Ревекка и дева Рахиль, -
Отвеяны помыслы ненужно житейские,
И в новом жива вековечная быль.
Еврейские девушки в холодной России,
Вы – бессонная память о знойной стране
Живое предание о грядущем Мессии Вы...
Девушки-матери, близки Вы мне!

Каждый из поэтов находил в современных еврейских женщинах библейские черты.

Самой необъяснимой и самой великой загадкой в истории человечества называл еврейскую женщину русский писатель Александр Иванович Куприн.

В рассказе “Жидовка” он писал: “Вот стоит эта женщина, на лице которой отражается божественная красота, внушающая священный восторг. Сколько тысячелетий ее народ должен был ни с кем не смешиваться, чтобы сохранить эти изумительные библейские черты. С тем же гладким платком на голове, с теми же глубокими глазами и скорбной складкой около губ рисуют матерь Иисуса Христа. Той же самой безукоризненной чистой прелестью сияли и мрачная Юдифь, и кроткая Руфь, и нежная Лия, и прекрасная Рахиль, и Агарь, и Сарра...”

Как зовут ее, верную ту,
Что я так и не встретил от века

Как зовут мою деву-мечту:
Сарра, Хая, а может, Ревекка?
Не нашел, не узнал, повстречал –
И толпа ее вновь поглотила.
Не за тот зацепился причал...
И накрыла волна, накатила.

– писал поэт Самуил Мороз...

Даже людям, не очень сведущим в Библии, знакомы эти имена.

Героини Священного Писания, несомненно, являются самыми известными женскими образами человеческой истории. И все-таки мы знаем о них и понимаем их гораздо меньше, чем героев обычных литературных произведений.

На протяжении многих поколений возникли тысячи легенд о каждом библейском персонаже. В творческих трактовках Талмуда, в устной традиции, в народных сказаниях персонажи приобретали полноту и материальность.

Талантливые писатели и поэты использовали библейские сюжеты, чтобы приблизить к нам героинь древности, дать возможность почувствовать их переживания, радость и боль, чтобы донести их образы до ныне живущих, чтобы утвердить их вечное влияние на нашу жизнь.

Четыре прародительницы еврейского народа: Сарра, Рахиль, Лия, Ревекка...

Из библейский рассказов мы знаем, что в семьях патриархов существовало определенное неравенство в положении мужчины и женщины. Становясь со сменой поколений все более явным и усиливаясь, оно вылилось, в конце концов, в полное подчинение женщины мужу.

Даже выдающиеся героини Священного Писания, женщины, которые оказались способными на великие дела, находились в подчиненном положении с точки зрения их общественного статуса.

Но Сарра занимала особое место в древней истории. Это не покорная жена, но личность с твердой волей и сильным характером. Чтобы спасти мужа от египетского фараона, она пошла на хитрость и выдала себя за сестру Авраама, великого человека и вождя еврейского народа, будучи его женой. Фараон осыпал мнимого врага дарами, но на Египет

обрушились вдруг страшные бедствия. Фараон боялся навлечь на себя гнев чужого бога, а Сарра была так хороша, что он простил Авраама и разрешил ему покинуть пределы Египта.

Библейская легенда о красоте Сарры прошла через всю историю Израиля.

В горных пещерах Мертвого моря в 1947 году были найдены свитки с библейскими текстами, относящимися к периоду III века до н.э. – I века н.э. Один из свитков содержит арамейский комментарий к книге Бытие; там имеется, в частности, описание красоты Сарры. В переводе оно звучит так:

О, как румяны ее щеки, как пленительны глаза ее, как изящен нос ее и как сияет ее лицо! О, как красивы груди ее и незапятнанна белизна ее тела! Как сладостно смотреть на ее плечи и руки, полные совершенства! Как тонки и нежны ее пальцы, как изящны ее ступни и бедра!

Сарра прожила 127 лет и в 80 лет поражала всех своей красотой, а в 100 лет родила сына Исаака, она была наставницей своего мужа.

Еврейские женщины Священного Писания отличались решительностью, абсолютной убежденностью в правильности того, что делают, и последовательностью в действиях на пути к достижению цели, и вместе с тем они не стремились подчинить себе мужей, любили их и восхищались ими.

Такими были и Ревекка (Ривка) и Рахиль (Рахель), преданной женой была и Лия (Лея).

Комментаторы Священного Писания сделали интересное наблюдение: праотцы наши в большей или меньшей степени находились в зависимости от пророческой силы своих жен. Именно женщины решали судьбу своих семей, по крайней мере, в том, что касалось судьбы детей и продолжения рода. В этих вопросах патриархи занимали подчиненное положение: решения принимали не они и не они определяли будущее.

Все жены патриархов обладали даром предвидения, у Ревекки это были моменты озарения. Она знала, что должна напоить верблюдов

чужеземца, увидев Исаака, поняла, что он будет ее мужем, а вырастив сыновей, знала, кто из них должен получить право первородства. В отличие от Исаака, того, кого всегда приносят в жертву, Ревекка предстает перед нами как архетип еврейской матери, борющейся за будущее своих детей.

Образец зрелой и верной супружеской любви показала нам Лея (Лия) жена Яакова. Она не была любимой женщиной, но глубокая, постоянная любовь к мужу сделала ее праматерью еврейского народа, стержнем рода, от которого произошла нация, лишь она одна из четырех жен и наложниц Яакова похоронена с ним в семейной гробнице.

Женитьба Яакова на Лии произошла по ошибке, но стала долговременной и значимой.

В книге Брейшит другая жена Яакова (Рахель) представлена как одна из праматерей еврейского народа. Но в еврейской традиции она стала символом матери, еврейской матери, страдающей, плачущей о судьбе своего народа, сынах Израиля. Именно поэтому ее могила стала местом паломничества для тех, кого постигло горе, особенно для женщин.

На полпути от стен Иерусалима
В ветхозаветный белый Вифлеем
Стоит одна гробница нерушима –
Великая, родная древле всем.
На ней и в ней нет царских диадем,
Но выше их святая бедность чтима,
Пришел араб, ей прошептал Салем,
Еврей в слезах простерся недвижимо.
Вокруг каменья, дикая трава,
Холмы, долины, срывы и уклоны.
Среди камней алеют анемоны –
А над гробницей блещет синева.
Небесная. И льются с неба звоны:
Мать всех сирот – Рахиль - жива! Жива!

(Александр Федоров. Гробница Рахили)

Рахиль стала как бы олицетворением трагической судьбы народа Израиля.

Трагедия ее личной жизни ассоциируется с трагической историей народа, пережившего изгнание и страдание. Тоска по Родине, полученной, а затем утраченной, перекликается с тоской Рахили, долгие годы ожидавшей возможности быть с любимым человеком и умершей, когда ее мечты начали осуществляться.

Образ Рахили олицетворяет еще один аспект характера еврейского народа – его чувство избранности, его абсолютную уверенность в том, что он любим Всевышним и избран для особой миссии в этом мире.

Рахиль, как умершую самой молодой из четырех прародительниц, олицетворяют с речной вербой, вянущей раньше остальных.

Особенно много стихов посвящено именно ей, Рахили.

Читаем стихи поэтессы Татьяны Щепкиной-Куперник.

ЕВРЕЙКЕ

Эти мысли горят... Они жгут, как огнем,
И в душе у меня пробудили
Затаенный на дне – я забыла о нем! –
Скорбный плач неутешной Рахили.
В каждой женской еврейской душе и в глазах
Есть отличье одно вековое:
И в душе той дрожит о возлюбленном страх,
И в глазах тех – страданье живое.
Пусть еврейка прекрасна, как утро весны,
И горда, как лилея Сарона:
Посмотри ей в глаза, в звездный мрак глубины –
Там вся мука безмолвного стона.
У красавицы юной, у нищей с клюкой –
Тот же ужас глаза сохранили:
Отразился в них странной, нездешней тоской
Скорбный взгляд неутешной Рахили...

Очень символичны стихи Владислава Ходасевича

СЛЕЗЫ РАХИЛИ

Мир земле вечерней и грешной!
Блещут лужи, перила, стекла.
Под дождем я иду неспешно,
Мокры плечи, шляпа промокла.
Нынче все мы стали бездомны.
Словно вечно бродягами были.
И поет нам дождь неуемный
Про древние слезы Рахили.
Пусть потомки с гордой любовью
Про дедов легенды сложат –
В нашем сердце грехом и кровью
Каждый день отмечен и прожит.
Горе нам, что по воле Божьей
В страшный час сей мир посетили!
На щеках у старухи прохожей –
Горючие слезы Рахили.
Не приму ни чести, ни славы,
Если вот на прошлой неделе
Ей прислали клочок кровавый
Заскорузлой солдатской шинели.
Ах, под нашей тяжелой ношей
Сколько б песен мы ни сложили –
Лишь один есть припев хороший:
Неутешные слезы Рахили.

Из дочерей Сиона назовем Мирьям, сестру Моисея, еще в Египте она выдвинулась из среды народа, стала лидером и пророчицей среди женщин.

В момент, когда сыны Израиля покидали Египет, получали Закон, они следовали за женщинами. Это признание особой роли женщин в истории об исходе как вдохновительниц зафиксировано в Мидрашах.

Дебору, дочь еврейского народа, сравнивают с героиней иной эпохи и иной культуры, с Жанной д'Арк (быть может, она испытала влияние образа Деборы).

Хотя различие между ними поразительное, Дебора не возглавила войско на войне как Жанна, она нашла человека (Барака), подходящего для роли военачальника и представила ему все полномочия и всю власть над войском. Она считала, что война – это дело мужчин. Она не жаждала славы и не стремилась командовать. Песнь Деборы – одна из самых прекрасных поэм в Священном Писании, в тоне и акцентах которой чувствуется, что ее автор – женщина. В песне воздается хвала воинам и порицание тем, кто не присоединился к сражению.

Время, в котором жила Дебора, называют "веком Деборы" (Дворы).

Есть в Священном Писании две книги, названные именами женщин. Одна из них "Руфь" (Рут).

Было время, когда женщин чужеземного происхождения, вышедших замуж за евреев, изгоняли из Иерусалима. Руфь, прабабка величайшего израильского царя Давида, была моавитянкой и, следовательно, смешанные браки осуждались несправедливо.

В те времена женщина, вступая в брак с мужчиной из другого народа, должна была принять его веру, обычаи, жизненные ценности. Сделав это, Руфь чувствовала, что нашла свое место, ощутив духовную связь с еврейским народом.

Из века в век отношения между свекровью и невесткой основывались на подчинении женщины матери своего мужа. Пророки отмечали даже, что бунт невестки против свекрови есть показатель упадка нравов. Руфь после смерти мужа не оставила свекровь и их взаимоотношения стали не только личными, но и более глубокими и близкими.

Руфь со свекровью были очень бедны и собирали оставшиеся после жатвы колосья. Право на оставленные на стерне колосья было древней привилегией бедняков, вдов, сирот и путников, закрепленной еще в Моисеевых законах.

Забота о ближнем, сострадание, были присущи Руфи. Ее след, память о ней – в прекрасном стихотворении Матери Марии-Елизаветы Кузьминой-Караваевой, записанном в 1916 году.

РУФЬ

Собирала колосья в подол,
Шла по жнивью чужому босая,
Пролетала над избами сел
Журавлей вереница косая.
И ушла через синий туман
Далеко от равнины Вооза;
И идет средь неведомых стран,
Завернувшись в платок от мороза.
А журавль, уплывая на юг
Никому, никому не расскажет –
Как от жатвы оставшийся тук
Руфь в снопы золотистые вяжет.
Лишь короткий подымется день
И уйдет хлебороб на работу,
На равнинах чужих деревень
Руфь начнет "золотую охоту".
Низко спустит платок свой на лоб,
Чтоб не выдали южные косы,
Соберет свой разбросанный сноп,
Обойдет все холмы и откосы.
А зимою, ступив чрез порог,
Бабы часто сквозь утренний холод
На снегу замечали у ног
Сноп колосьев не смолотых...

Еврейская девушка Эсфирь (Эстер) стала царицей, женой персидского царя и героиней книги Священного Писания "Эсфирь". Царь не знал, что его жена – еврейка, Эсфирь, понимая всю опасность своего положения, проявляет глубокую преданность еврейскому народу. Это было самопожертвование во имя общенациональных целей.

Испытание, которое прошла Эстер (Эсфирь) сделало ее не просто значительной фигурой в еврейской истории, но и национальной героиней. Она оказалась спасительницей народа, которую благословляют в праздник Пурим.

Жан Расин, великий французский трагик, воспел Эсфирь как истинный француз и поэт:

Затмила здешних жен
Есфирь красой своей –
Природа ей дала
Наружность неземную.
Она пленяет всех
Невинностью очей.
Кто средь цариц видал
Красавицу такую?

О героической Юдифи, богатой еврейской вдове, написано немало стихов и художественных полотен.

Славилась она своей ослепительной красотой. После смерти мужа жизнь для нее утратила всякую прелесть.

Но когда в Ханаан вторглась огромная армия под командованием Олоферна, в результате осады в городе не стало воды, тяжело было переносить страдания людей.

Юдифь сняла траурные одежды, надела праздничное платье и самые красивые украшения. Нарядная и блистательная она направилась в неприятельский лагерь. Обманув стражу и Олоферна, Юдифь отсекла ему голову его же собственным мечом, завернула ее в сетку от комаров и спрятала в дорожную сумку. Потихоньку покинув стан врага, Юдифь вернулась в город. Все ликовали, увидев голову врага.

Ассирийцы впали в панику и пустились наутек, бросив лагерь с несметными сокровищами и награбленной в Иудее добычей.

Юдифь жила 105 лет, окруженная уважением и любовью народа, а день ее великой победы причислен к списку еврейских праздников, которые отмечают каждый год.

Палестинские евреи не признают Книгу Юдифи священной, так как оригинальный древнееврейский текст пропал и сохранились только переводы на греческий язык и латынь.

Но Юдифь, красивая, гордая, мудрая, обладала всеми присущими еврейской женщине чертами.

“Притягивая прах столетий”, как писал Осип Мандельштам, мы понимаем, что женщина, дающая жизнь; женщина, которая стережет дух и тип расы; женщина, которая бережно несет сквозь ручьи крови, под гнетом насилия священный огонь народного гения, - такая женщина никогда не даст потушить его.

В Еврействе женщина, дающая и хранящая жизнь, важнее, чем отец. Недаром евреем считается тот, у кого мать – еврейка.

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ВЕЧНОСТИ

(ЕВРЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ЛИТЕРАТУРЕ МИРА)

(Звучит романс Г. Свиридова из кинофильма "Метель".)

"Что такое еврей? Этот вопрос вовсе не такой странный, каким он может показаться на первый взгляд, – писал в своей статье Лев Николаевич Толстой. - Посмотрим же, что это за особое существо, которого все властители и все народы оскорбляли и притесняли, угнетали и гнали, топтали ногами и преследовали, жгли и топили, и который назло всему этому все еще живет и здравствует".

Как бы отвечая на это, находим у Леона Фейхтвангера своеобразное объяснение удивительной судьбы евреев: "Сквозь два тысячелетия пронесли они с собой Книгу. Она была им народом, государством, родиной, наследием и владением. Они передали ее всем народам, и все народы склонились перед ней. Но лишь им, им одним, дано было по праву владеть ею, исповедовать и хранить ее. Шестьсот сорок семь тысяч триста девятнадцать букв насчитывала Книга. И каждая буква была исчислена и изучена, проверена и взвешена. Каждая буква была оплачена кровью, тысячи людей пошли на муку и смерть за каждую букву. И книга стала их собственностью. У себя в молельнях в дни величайшего своего праздника, все они – и горделивые, свершающие свой путь к славе, и ничтожные, гонимые, приниженные, все, как один, утверждали, возглашали: ничего нет у нас, кроме Книги".

(Звучит скрипка.)

Тысячами нитей пронизывает Ветхий завет культуру многих народов; под его влиянием формировались представления поколений, язык, обычаи...

А поэма “Экклесиаст” в культуре нового времени присутствует повсеместно. То и дело мы натыкаемся на цитаты из нее, скрытые и явные у Гейне, Чехова, Толстого, Достоевского, Ремарка или Хемингуэя. Мотивы Экклесиаста пронизывают у нас чуть ли не всю атмосферу. Мы говорим “Суета сует”, “Всему свое время”, “Что нового под солнцем”, “Что было, то и будет”, порой даже и не зная о первоисточнике. Древнейший текст, переведенный на все мыслимые языки, за несколько тысячелетий вошел в воздух истории, в культурное подсознание человечества.

Если бы мы собрали книги, в которых использованы библейские сюжеты, их было бы огромное количество. Еврейские мотивы мы находим в исторических романах Леона Фейхтвангера “Еврей Зюсс”, “Иудейская война”, “Семья Опперман”.

Вспомним поэтическую повесть о любви испанского короля Альфонсо VIII к дочери севильского купца Ракели в “Испанской балладе”.

Как высокое благо, источник нравственной силы воспевал еврейство Генрих Гейне в стихах цикла “Еврейские мелодии”. Известна его повесть о жизни еврейской общины в XIII веке “Бахарахский раввин”.

Знаменитый Лопе де Вега написал пьесу “Еврейка из Толедо”, борец за гуманное отношение ко всем человеческим убеждениям Готтольд Лессинг еще в конце XVIII века написал драмы “Евреи” и “Натан мудрый”.

Среди поэтических произведений назовем восточную поэму Альфреда де Виньи “Моисей”, “Еврейскую мелодию” лорда Байрона. Среди крупных произведений – драму Лонгфелло “Иуда Маккавей”, роман Томаса Манна “Иосиф и его братья”, классические английские произведения “Венецианский купец” В. Шекспира, “Оливер Твист” Ч. Диккенса, “Мальтийский еврей” Кристофера Марло, “Айвенго” Вальтера Скотта и др.

Мудрость евреев, библейское величие, их моральные достоинства отражены в мировой литературе, здесь же перечислены только европейские произведения, содержащие еврейские мотивы.

Тонкую иронию, ранимость, умение подшутить над собой передают русские поэты и писатели еврейского происхождения Сергей Довлатов, Эфраим Севела, Игорь Губерман, Иосиф Бродский, Илья Сельвинский, Борис Слуцкий, Михаил Светлов, Илья Эренбург, Исаак Бабель и др.

Замечу, что в произведениях авторов еврейского происхождения больше иронии и насмешки над собой, типичный еврей пишется ими словно маслом по холсту. Помните, у Эфраима Севелы есть герой Моня Цацкес, литовский еврей, солдат Красной Армии. Вот как выглядит он у Севелы:

"Брови у часового были густые и черные и шли от переносицы почти прямо вверх, загибаясь полукружиями, словно обладатель их раз в жизни очень удивился, да так и не пришел в себя. А под ними круглые, как у птицы, глазки – живые, как ртуть, и даже здесь, на скучном посту, бурлящие от неудовлетворенного любопытства.

Одним словом, ничего особенного... если бы не нос. Таких размеров носа во всей 16-й дивизии (а уж эта дивизия во всей славной Советской Армии отличалась наибольшим скоплением больших носов, потому что почти все солдаты и даже офицеры были евреями) не было такого калибра. Нос был мясист и хрящеват, выдавался далеко вперед, затем, сломленный семитской горбинкой, падал мягкой сливой на самые губы, которые как бы под тяжестью носа, прогнулись полумесяцем, концами вверх, отпечатав навечно улыбку на лице часового.

Такой нос у самого миролюбивого нееврея вызывал отчаянный зуд в ладонях, очень уж тянуло влепить по этому носу наотмашь, а потом посмотреть, что из этого получится".

А вот как в музыке передает образ евреев М. Мусоргский.

Звучит его пьеса "Два еврея".

И у Исаака Бабеля находим описание еврейской женщины в рассказе "Гюи де Мопассан".

“В гостиную, неся большую грудь, вошла черноволосая женщина с розовыми глазами... Не нужно было много времени, чтобы узнать в Бендерской упоительную эту породу евреек, пришедших к нам из Киева и Полтавы, из степных, сытых городов, обсаженных каштанами и акациями.

Деньги оборотистых своих мужей эти женщины переливают в розовый жирок на животе, на затылке, на круглых плечах. Сонливая, нежная их усмешка сводит с ума гарнизонных офицеров”.

(Звучат “Клейзмерские мелодии”
в исполнении ансамбля скрипачей.)

Зато у Александра Ивановича Куприна, в рассказе “Жидовка” герой Кашинцев, русский человек, встречает еврейку Эльку.

(Звучит скрипка. Вступление к “Еврейским фантазиям”.)

“Можно ли описать кому-нибудь это лицо?...” – восклицает герой. (Кн.: Куприн А.И. Собр. соч. т.3 стр. 258-259).

После портретного описания Севела добавляет: “В Красной армии делалось все, чтобы человек становился злым, но Моня Цацкес не мог стать таковым в силу своего происхождения”.

А Куприн рассуждает о загадке вечности евреев, приходя к выводу, что только сохранив еврейскую женщину продолжается еврейский род.

О писателях и поэтах-неевреях мы хотим сегодня говорить особо.

Есть такое почти непереводимое понятие “хасидей умот олам”, приблизительно оно означает “неевреев, защитников евреев”. Их творчество пронизано уважением к человеку.

Французский летчик и писатель Антуан де Сент-Экзюпери свою знаменитую сказку “Маленький принц” посвятил французскому еврею Леону Верту, к нему же он обращался в “Письме к заложнику”, где писал: “Нацист уважает себе подобных, а значит, уважает только себя.

Мы признаем своими и тех, кто с нами не схож. Основа этого родства не прошлое, но будущее. Не происхождение, но цель. Если в сердцах людей заложено уважение к человеку, люди, в конце концов, создадут такой общественный политический и экономический строй, который вознесет это уважение превыше всего".

После краха нацистской Германии немцы-неевреи Генрих Белль и Эрих Мария Ремарк отразили в своих произведениях вину немцев перед евреями: в романе "Где ты был, Адам?" (испытание на нравственность выдерживают ефрейтор Файнхальс и его возлюбленная венгерская еврейка Илона).

"Где ты?" – вопрошал Господь Адама после грехопадения (Библия, Бытие, III, 9).

"На войне", - отвечал Адам Генриха Белля.

Еврейские образы встречаем у Ремарка в романах "Возлюби ближнего своего", "Триумфальная арка", "Тени в раю", "Ночь в Лиссабоне".

(Звучит "Аве Мария". Бах. Гуно.)

Русский поэт Иван Бунин после поездки в Палестину написал удивительные по красоте стихи. Ему евреи представлялись народом Библии, и не ему одному. Немало других поэтов, будучи христианами по вере и духу, обращались к иудаизму, истоку христианства, среди них Александр Пушкин и Михаил Лермонтов, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский.

Читаем Бунина:

Стихотворение "Тора"

Был с богом Моисей на дикой горной круче,
У врат небес стоял как в жертвенном дыму:
Сползали по горе грохочущие тучи –
И в голосе громов Бог говорил ему.
Мешалось сердце с тьмой, основы скал дрожали,
И видел Моисей, как зиждилась Она;
Из белого огня – раскрытые скрижали,
Из черного огня – святые письмена...

Библии посвятил известное стихотворение Валерий Брюсов (стихотворение “Библия”):

О, Книга Книг! Кто не изведал
В своей изменчивой судьбе,
Как ты целишь того, кто предал
Свой утомленный дух тебе?
В чреде видений неизменных
Как совершенна и чиста
Твоих страниц проникновенных
Немеркнущая красота.
Какой поэт, какой художник
К тебе не приходил, любя?
Еврей, христианин, безбожник,
Все, все учились у тебя.

Болезненно переживали русские интеллигенты отношение к евреям. Об этом писал философ и поэт Владимир Соловьев:

“Как христианин я сознаю, что обязан иудейству величайшей благодарностью, ибо мой спаситель был иудеем по плоти, иудеями же были и пророки и апостолы, и краеугольный камень был взят в доме Израилевом, а как славянин, я чувствую вину против еврейства, и хотел бы искупить ее чем только могу”.

Святым существом называл еврея Лев Толстой, ибо он добыл с неба вечный огонь, первооткрывателем культуры, свободы, символом гражданской и религиозной терпимости...

В статье “Что такое еврей” он пишет, что еврей – символ вечности. Он, которого ни резня, ни пытки не смогли уничтожить, ни огнь, ни меч инквизиции не смогли стереть с лица земли, - он, который так долго хранил пророчество и передал его всему человечеству – такой народ не может исчезнуть. “Еврей вечен, он – олицетворение вечности”.

Русская княжна Екатерина Мещерская, представительница древнего рода, считала, что в русской аристократии не было антисемитизма. Подобные высказывания вообще считались дурным тоном.

“Ни один верующий не может быть антисемитом”, - утверждала она.

В годы революции следователь на Лубянке спросил ее: “За что вы любите евреев?”. «За то, - ответила она, - что у меня с ними одна судьба, еврей не виноват, что родился от еврея, а я не виновата, что родилась от князя». Взбешенный следователь заорал, стукнув кулаком: «А для нас такие, как Вы, хуже евреев! Мы таких зовем – “жидовствующие”!»

В молодости русскую поэтессу Марину Цветаеву потрясли погромы и в “Поэме конца” в 1924 году она писала:

За городом! Понимаешь? За!
Вне! Перешел вал!
Жизнь – это место, где жить нельзя,
Еврейский квартал...
Так не достойнее во сто крат
Стать вечным жидом?
Гетто избранничества! Вал и Ров
Пощады не жди
В сем христианнейшем из миров
Поэты – жиды.

А в зрелый период жизни, когда начался разгул гитлеризма Цветаева увидела в еврейской судьбе все ту же трагическую преемственность.

По всей земле – от края и до края –
Распятие и снятие с креста
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа.

Во время погромов в Воронеже семья Раевских прятала в своем доме еврейских детей, сын Раевской, русский поэт Анатолий Жигулин, в 18 лет безвинно посаженный в тюрьму, писал:

Отдам еврею крест нательный,
Спасу его от злых людей.
Я сам в печали беспредельной
Такой же бедный Иудей.
Судьбою с детства не лелеем
За неизвестные грехи

Я мог бы вправду быть евреем,
Я мог бы так писать стихи:
По дорогой моей равнине,
Рукой качая лебеду,
С мечтой о дальней Палестине
Тропой российскою иду.
А в рощи слышится осина,
А в небе светится звезда.
Прости, родная Палестина,
Я не приеду никогда.

Русский человек, поэт Борис Чичибабин посвятил много стихов еврейскому народу. У него есть такие строки:

Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
Не водись я с грустью, золотой и горькой,
Не ночуй в канавах, счастьем обуянный,
Не войди я навек частью безымянной
В русские трясины, в пажити и реки,
Я хотел быть сыном матери-еврейки.

И еще одно стихотворение:

Бессмыслен русский национализм,
Но крепко вяжет кровью человечьей.
Неужто мало трупов и увечий,
Что этим делом снова занялись?
Ты слышишь вопль насыщенно-зловещий?
Пророк-погромщик, осиянно-лыс
Орет в статьях, как будто бы на вече
И тучами сподвижники нашлись.
Всех бед, - кричат, - виновники евреи,
Народа нет корыстней и хитрее –
Доколь терпеть Иванову горбу?
А нам еще смешно от их ужимок,
Светла река, и в зарослях кувшинок
Веслом веселым к берегу гребу.

(Звучит часть из фантазии на еврейские темы.)

Нельзя забывать о замечательной русской женщине, известной всему миру как Мать Мария, до пострижения ее звали Елизаветой Кузьминой-Караваевой. Она спасала еврейских детей от немцев. В лагере смерти Равенсбрюк Мать Мария добровольно пошла в газовую камеру, заменив собой мать маленького ребенка. Остались стихи с пожеланиями евреям:

Два треугольника – звезда
Щит праотца, Царя Давида
Избрание – а не обида
Великий дар – а не беда.
Израиль, ты опять гоним,
Но что людская воля злая,
Когда тебе в грозе Синая
Вновь отвечает Элогим?
Пускай же те, на ком печать,
Печать звезды шестиугольной,
Научатся душою вольной
На знак неволи отвечать.

"Я склонен думать, что антисемитизм неоспорим, как неоспорима проказа, сифилис и что мир будет вылечен от постыдной болезни только культурой, которая хоть и медленно, но все-таки освобождает нас от болезней и пороков", – писал Максим Горький. Грустно сознавать, что и сегодня обращение русского писателя ко всем нам звучит так актуально:

"Время от времени и все чаще! Обстоятельства вынуждают русского писателя напоминать соотечественникам своим неоспоримые азбучные истины.

Это очень трудно говорить взрослым и грамотным людям.

Господа! Нужно быть человечными. Человечность не только красива, но и полезна для Вас. Нужно быть справедливыми, справедливость – основа культуры".

“Старые, крепкие дрожжи человечества – евреи – всегда возвышали дух его, внося в мир беспокойство, благородные мысли, возбуждая в людях стремление к лучшему”.

Евгений Евтушенко давно хотел написать стихи об антисемитизме. Но стихи сложились после посещения страшного места в Киеве, Бабьего Яра. Он отнес их в “Литературную газету”. Сотрудники газеты просили его почитать стихи вслух и сделать копии. «То есть какие копии? – спросил поэт, - я ведь принес их печатать». Все молча переглянулись. Никому тогда это и в голову не пришло. Рабочие типографии, все сотрудники газеты переживали за то, чтобы номер со стихами вышел в свет, ему предложили пойти смотреть, как стихи выйдут из машины. Весь выпуск на следующий день разошелся молниеносно. Множество людей слали приветственные телеграммы.

А через несколько дней газета “Литература и жизнь” опубликовала стихи Алексея Маркова, написанные в ответ на “Бабий Яр”, где Евтушенко назывался пигмеем, забывшим свой народ, а затем его обвиняли в том, что он возбуждает вражду между народами. В национализме, кстати, обвиняли и наших местных журналистов Бориса Миллера, Любу Вассерман, Наума Фридмана...

Вот эти стихи (в сокращении):

О русский мой народ!
Я знаю – ты
По сущности интернационален,
Но часто те, чьи руки нечисты
Твоим чистейшим именем бряцали.
Еврейской крови нет в крови моей
Но ненавистен злобой заскорузлой
Я всем антисемитам как еврей
И потому – я настоящий русский.

В поэме “Братская ГЭС” он пишет пожелание на будущее:

Чтобы над евреями бесчестно
Не глумился сытый чей-то смех,
Чтобы слово “жид” навек исчезло,
Не позоря слово “человек”.

Об этом мечтал в начале века Владимир Маяковский:

Не нам со звучными сплетнями знаться
И сердце, и тощий бумажник свой
Откроем во имя жизни без наций,
Грядущей жизни без нищих и войн.

Исполняется песня “Свеча”. Музыка А. Пахмутовой.

ПАМЯТИ ПЕРЕЦА МАРКИША

(ВЕЧЕР-ПОРТРЕТ)

Последние годы память все настоятельнее вступает в свои права и гонит прочь предательское забвение и бесчестную полупамять, такую же подлую, как полуправда. Это происходит повсюду, во всех странах, во всех уголках жизни и искусства. Пусть наш вечер будет еще одним взносом и долею в этом великом деле.

Раскрыть книгу стихов Переца Маркиша – все равно, что распахнуть окно в ясное утро: сразу же с первых страниц в лицо повеет прохладной свежестью рассвета и горячей силой молодости.

Ты пахнешь камышом, продрогшим на ветру,
И спелым яблоком – осенней негой сада.
Я сбитый ветром лист взволнованно беру
И целовать тебя хочу, моя услада.
Брожу растерянно и что-то бормочу.
Какая в этих днях неслыханная сила!
Мне ветер сердце дал и взял мое. Хочу,
Чтоб ты мне сердце подарила.

О Переце Маркише Борис Пастернак писал так: “Помимо своего художественного значения, Маркиш был слишком необыкновенным явлением самой жизни, ее улыбкой, ее лучом, который прикосновением красоты, радующим знаком ложился повсюду, куда он являлся”.

Родился он 25 ноября, 7 декабря по новому стилю, 1895 года в Волынской губернии, в местечке Полонное. Рано вобрал в себя Маркиш краски луга, поля, сада, дороги, заката, восхода, сенокоса, жатвы, ярмарки.

Он вобрал в себя и речевые краски: язык сапожников, портных, бондарей, рыбаков, всех жителей Полонного. Все это в изобилии перетекло в его стихи, поэмы, пьесы. Не грошовой свечкой освещены поэтические просторы Маркиша, а солнцем.

(Звучит музыка.)

Пространств распахнутых здесь не охватит взор,
И солнце на полях, как на стекле, блистает,
Ярясь, кидается прибой на локти гор,
Под ними облаков клубящаяся стая.

Семья его была бедна: мать Хая (торговала селедкой, покусочно), отец Давид – был мудр и учен, изучал Талмуд, но денег ему за это не платили. Он был красив библейской красотой и было у них семеро детей. Семья бы пошла по миру, если бы не отец Хаи, Шишмон-Бер. Он был портным.

Трех лет от роду Маркиша определили в хедер. Ботинок и пальто у него не было. Старший семилетний Меир завернул Переца в одеяло и понес на спине в хедер. Пять сестер и один брат выросли обыкновенными людьми, и только маленький Перец стал Перецем Маркишем.

Слава об умном и красивом Давидовом младшем сыне разносилась по окрестным местечкам. Годам к семи у него прорезался замечательный голос, и он стал петь в синагоге. Неуемность натуры сказалась очень рано. В 10 лет он бежал из дома, правда, не очень далеко, вел вольное полуголодное существование и пел в синагоге.

Его хотели показать Киевскому кантору и дали несколько грошей для подкрепления сил. Он чуть ли не впервые в жизни накупил жирных котлет с жареной в масле картошкой, жадно съел и ... потерял голос от обильной и непривычной пищи. На этом его музыкальная карьера закончилась. Он был рожден, чтобы обращаться к Богу иными средствами.

Мальчика увезли домой, но вирус независимости уже навсегда, на всю жизнь овладел им.

В возрасте около 15 лет он начинает писать стихи, это религиозно-мистические стихи и пишет он их по-русски.

Он пишет, захлебываясь чувствами, желаниями, пишет много, скорописью, где попало, когда попало, на чем попало. К тому времени его устраивают на службу в "Полонское ссудосберегательное сообщество".

Одно из ранних стихотворений он набрасывает на работе, на банковском чеке. Чек попадает клиенту, и он не может использовать его. Клиент возмущен, жалуется начальнику, расследование приводит к Маркишу. Виновнику грозят увольнением с работы.

Скандал разразился несколькими месяцами позже. В Полонное в кои веки заехала бродячая труппа Еврейских эстрадных артистов, не от хорошей жизни один только Перец Маркиш явился к ним на постоялый двор. Он извлек из кармана ключи от Ссудосберегательного сообщества и пригласил туда артистов.

А через несколько минут из кабинета директора валил густой дым: туда вывели самоварную трубу и кипятили воду для чая. Поднятые по тревоге сторожем местечковые евреи ворвались внутрь дома с кольями и топорами и увидели Маркиша, читавшего свои стихи.

Назавтра он был уволен. Финансист, равно как и кантор, из него не получился.

Поэт уезжает на юг. Живет в Кишиневе, Балте, Одессе. Работает кем придется: поденщиком, сборщиком винограда, пытается сдать экзамен за гимназический курс. Но поискам своего места под солнцем наступил конец: началась первая мировая война.

Рядовой царской армии, он прошел суровую школу бесправия, выстрадал интернационализм на кровавых полях, в окопах, палатках солдатских лазаретов.

Первые стихи на еврейском языке "Бойцы" он публикует в Екатеринославской большевистской газете и осознает себя Поэтом. Его стихи полны романтики и жизнеутверждения.

(Прочитать стихи “Вставай, заря”.)

А затем началась гражданская война: горит в огне Украина, бесчинствуют банды, организуются еврейские погромы. В 1918 году вместе со Светловым и Голодным он входит в состав отряда еврейской самообороны.

Мотивы скорби и печали пронизывают сборники стихов “Просто так”, “Ночной грабеж”. Поэма “Куча” принесла поэту мировую известность. В конце 1921 года Маркиш едет в Польшу, за рубежом он прожил почти 5 лет, попеременно живя в Варшаве, Берне, Париже, Лондоне, Риме, побывал в Палестине.

Он начал писать поэму “Сорокалетний” – раздумья об исторических судьбах еврейского народа (библейское сказание о сорокалетнем блуждании евреев в великой и страшной пустыне), которую закончил в 1942 году.

Он был красив необычной, ослепительной красотой. Мягкий пастельный овал его лица венчала шапка темных волос, небрежными локонами падающих на лоб, синие его глаза в полумраке мерцали как синие камни. Ефим Иосифович Кудиш в своей книге “Литературное наследие Еврейской автономной области” пишет, что Маркиша сравнивали с Байроном и поговаривали, что на конкурсе красоты в Париже он вышел победителем.

В 30-е годы он был в центре еврейской жизни. Возглавил еврейскую секцию Союза писателей, был секретарем ревизионной комиссии этого Союза. Секретарем он был избран на первом съезде писателей в 1934 году, который проводился под председательством М. Горького.

В этом же году группа еврейских писателей отправилась в Биробиджан, чтобы ознакомиться с еврейской республикой. Маркиш входил в состав этой делегации. В нашем городе в ту пору проживали евреи из разных стран.

В книге П. Маркиша “Столь долгое возвращение” пишется о том, что он отвергал биробиджанские проекты, считал, что заселение евреями Биробиджана – дело искусственное, что евреи не станут сражаться с чужой тайгой, чужой землей. Он считал, что, для того чтобы пришел успех, руки должны действовать согласно с душой – “а еврейская душа разве принадлежит таежной земле Биробиджана?”.

Из наших краев он привез много впечатлений о красоте и первозданности тайги, назвав цикл своих стихов “Дальневосточное”.

(Прочитать стихи.)

30-е годы – время полного расцвета таланта Маркиша. Он создает множество лирических стихотворений, большие эпические полотна “Братья”, “Не унывай”, выпускает в свет романы “Из века в век”, “Один на один”, пишет пьесы «Земля» (1930), “Семья Овадис” (1937), выступает как публицист, критик, литературовед. Его перу принадлежит большое число статей на литературные и политические темы, монография о великом еврейском артисте Михоэлсе.

(Прочитать стихи на еврейском и русском языках.)

1936 год. Испанская революция...

Имя Переца Маркиша – по семейному преданию восходит к Испании, из которой далекие предки поэта были изгнаны инквизиторами.

(Прочитать стихотворение “Испания”.)

Одно за другим появляются стихи, посвященные борьбе испанского народа: “Тореадор”, “Командир Диестро”. Но испанская революция гибнет в крови. Новые испытания ожидают народы Европы. В СССР наступил 37 год – год потопа, год мора, год солнечного затмения. Этот год принес смерть, аресты, потрясения души.

Умер отец Маркиша. Исчезали люди. Чужая боль, чужое физическое страдание всегда угнетало Переца Маркиша. Он как бы был в долгу перед теми, кто страдает.

Вершины официального признания Маркиш достиг в 1939 году – тогда состоялось первое награждение большой группы писателей орденами. Высшую награду среди еврейских писателей получил один Маркиш. Награждение носило характер кампании, орден Ленина выделяли скорее национальностям, нежели литературным фигурам. Маркиш радовался этой награде, вера его в советскую власть, в наше в светлое будущее и в Сталина не была разрушена, несмотря на страшные годы, когда та же советская власть убила и отправила в лагеря десятки, если не сотни близких Маркишу людей. Он верил ей еще и потому, что в 1939 году Советский Союз казался самым решительным и последовательным врагом нацизма.

Маркиш стал членом партии во время войны, когда коммунистов и евреев гитлеровцы расстреливали вперемешку и бросали в один ров.

Перед Великой Отечественной войной в Советский Союз бежали из Польши еврейские писатели. Он помогал им выжить. Долго хлопотал поэт по поводу польского еврейского театра миниатюр. В театре работала прекрасная танцовщица Рахель Любельская. Судьба ее была страшна – она повторила судьбу многих евреев под властью немцев. Родители Рахели погибли, сама она уцелела чудом. Маркиш под впечатлением пишет знаменитую поэму-стансы “Танцовщица из гетто”. В ней он писал о своем народе:

Куда тебя зовет, куда ведет
Холодный ветер и ночное горе?
Метель метет, в полях метель метет,
Калитки и ворота на запоре.

Он писал эти стансы, когда писать о зверствах фашизма было запрещено советской цензурой.

Когда-то здесь под грозный гул стихий
Над замершей толпой пророкотало
Торжественное слово “Не убий”!
Теперь убийство заповедью стало.
Но не смолкает правды гневный гром,
И мысль не уступает тьме и страху.
Погиб не тот, кто пал под топором,
А тот, кто опустил топор на плаху!

Это пророческие стихи. Маркиш в них отразил свою собственную судьбу, в которой во многом отразилась судьба его народа.

Поэма не была опубликована. Не печатали ее и потом, после начала войны – тогда было не до литературы на идиш. После войны в ней узрели еврейский национализм, и она лежала в столе. Потом ее напечатали в переводе на русский. А потом Маркиша арестовали, и он так и не увидел опубликованной одну из лучших своих поэм на родном языке идиш.

В первые дни войны Маркиш ушел в Народное ополчение. Какое-то “высокое начальство”, как вспоминает его жена, просматривая списки Народного ополчения и, понимая, что все ополченцы погибнут под Москвой в боях с отборными гитлеровскими дивизиями, вычеркнуло Маркиша. Его в приказном порядке отозвали в штаб Военно-Морского флота, присвоили звание капитана второго ранга, он воевал на одном из крейсеров Черноморского флота.

Крейсер был потоплен при попытке прорваться к осажденному Севастополю, и только чудо спасло тогда Переца Маркиша от гибели.

Война еще не закончилась. Маркиш передал в “Правду” какое-то свое военное стихотворение. Оно в газете не появилось. Главный редактор Поспелов пригласил Маркиша в редакцию для разговора. “Печатать в центральном органе коммунистической партии еврейского поэта Переца Маркиша – это уже дело высокой политики”, – сказал Поспелов.

Шел 44 год. Маркиша в “Правде” больше не печатали. А он тем временем заканчивал поэму “Война”, насчитывающую 22 тысячи строк. Параллельно он писал лирические стихи – прозрачные, задумчивые, мощные своей светлостью. Он успел собрать их в книгу, которая так и не вышла при жизни.

Маркиш относился к литературе с тем уважением, которым почти всегда отличается отношение большого мастера к своему искусству.

Когда речь заходила о литературе, его обычной доброте и жалости к людям наступал конец. В этом случае для него не существовало ни дружбы, ни даже правил приличия. Он бывал откровенен и резок предельно.

Маркиш, по советским понятиям, был весьма обеспеченным материально человеком. Но был удивительно непритязателен и скромен в быту. До самого конца не изменил он привычной пище: каждое утро к завтраку на стол подавалась отварная картошка с селедкой. Он никогда не жалел денег и не спрашивал отчета. Он никогда не смог бы стать коллекционером: это было не в его характере.

Чужим людям деньги он раздавал щедро: домработницам, лифтерам. На Новый год всегда пеклись специальные пироги для обслуживающего персонала дома, где жил поэт.

Вскоре после начала войны была организована радиопередача на идиш. Передачи эти транслировались на коротких волнах и были предназначены для еврейских слушателей в США.

В основе деятельности Еврейского радио в тот период, когда им руководил Маркиш, лежала совместная борьба с фашизмом. Маркиш любил свой народ, который дал ему все: ум, чувство юмора, честь, сознание собственного достоинства, умение отличить добро и зло.

Он считал, что неверно дробить еврейский народ на польский, русский... Есть единый еврейский народ, живущий в нашем мире. Такая формулировка в то время была подозрительной и опасной.

На Маркиша был написан донос в ЦК КПСС. Он обвинялся в еврейском буржуазном национализме, что особо отчетливо проявилось в главе "Разговор с сатаной" из поэмы "Война". Донос переслали в Союз писателей с указанием изучить главу и представить рекомендации. Речь в главе шла о миллионах евреев, погибших во время войны, о грядущих путях еврейского народа.

Подстрочник Маркиш передал Фадееву, и тот отстоял главу в ЦК. Она была напечатана на идиш. На русском эта глава, а с ней еще несколько – так и не увидела света, даже после посмертной реабилитации Маркиша: переведенная на русский язык сыном поэта Давидом, она была выброшена цензурой из посмертных изданий по тем же причинам, на которые ссылались доносчики.

Маркиш был членом Еврейского антифашистского комитета. В январе 1948 года начался разгром еврейской культуры. 13-го января погиб Михоэлс. Тело великого артиста привезли в Еврейский театр, в гримерной, под аккомпанемент шагов тысяч и тысяч людей, хлынувших в театр, Маркиш написал первые четверостишия стихотворения "Михоэлсу – вечный светильник".

Сочащаяся кровь – вот самый сильный грим,
Ты и по смерти жив, и звезды ярче блещут,
Гордясь последним выступлением твоим,
И в дымке заревой лучами рукоплещут.
Какой-нибудь из них, светящей сквозь туман,
Ты боль свою отдашь, и гнев, и человечность.
Пред ликом Вечности ни страшных этих ран,
Ни муки не стыдясь. Пускай стыдится Вечность.

Шел 1948 год. Гигантская страна вступала в эпоху "послевоенного антисемитизма". Создавались искусственные барьеры для еврейских юношей и девушек при поступлении в высшие учебные заведения.

Вновь обозначилась тенденция сваливать все государственные неурядицы на евреев. Государство не принимало никаких мер для пресече-

ния этой опасной тенденции, и эта апатия государства, в свою очередь, подогревала антисемитские страсти.

27 января 1949 года Маркиша арестовали. Небольшую сумму денег жене разрешили передавать один раз в месяц, а можно было разделить ее и передавать каждую неделю.

Наивность советского человека неистребима, подлость и цинизм тюремщиков безграничны. В справочном окошечке Эсфирь Маркиш расписывалась и получала квитанцию о том, что деньги приняты. Так было вплоть до 1953 года. А Маркиш был убит за пять месяцев до этого – 12 августа 1952 года, вместе с ним погибли члены Еврейского антифашистского комитета.

Пуля, пущенная ему в затылок, отняла жизнь не только у него, но и у той культуры, которая была смыслом всей его жизни.

Вскоре после ареста Маркиша ликвидировали Еврейскую секцию Союза писателей. В начале 1953 года был "раскрыт заговор" врачей, агентов сионизма. В Москве царила предпогромная атмосфера, в школе избивали еврейских детей.

1 февраля 1953 года родных Маркиша арестовали и выслали в Казахстан как членов семьи изменника Родины.

В августе 1954 года семья вернулась в Москву. 25 ноября 1955 года исполнилось 60 лет П. Маркишу, а 27 семье сообщили, что поэт реабилитирован.

Предисловие к первому после реабилитации сборнику написал русский писатель Борис Лавренев. Тогда еще, в 1956 году, он мог написать, что Маркиш пал жертвой врагов, оклеветанный невинно.

Спустя несколько лет, после окончания оттепели цензура вырубала даже самый легкий намек на то, каким трагическим образом закончил свою жизнь Перец Маркиш.

Илья Эренбург, говоря о том, что роднит его с Маркишем, приводил слова польского поэта Юлиана Тувима. В 1944 году Тувим объяснил, почему он с гордостью называется польским евреем. "Из-за крови.

Стало быть, расизм? Нет, отнюдь не расизм. Наоборот. Бывает двойная кровь: та, что течет в жилах, и та, что течет из жил. Первая – это сок тела. Другая – это та, которую главарь международного фашизма выкачивает из человечества, чтобы доказать преимущество своей крови над моей, над кровью замученных миллионов людей. Кровь евреев (не еврейская кровь) течет глубокими широкими ручьями, почерневшие потоки сливаются в бурную, вспененную реку, и в этом новом Иордане я принимаю святое крещение – кровавое, горячее, мученическое братство с евреями".

Литературное наследие поэта насчитывает около ста тысяч стихотворных строк, свыше ста печатных листов художественной прозы, десять пьес, литературно-критические монографии, публицистические статьи. На еврейском языке опубликовано около 40 книг поэта, на русском при жизни автора – десять, а после реабилитации несколько объемных книг, в том числе и двухтомник стихов – часть огромного поэтического океана Маркиша, нашего современника, творчество которого многие из нас открывают впервые.

Исчезнувшим бесследно – сгоревшим, утонувшим в море, пропавшим в пустыне, греки ставили на родине кенотафы – пустые гробницы.

У Переца Маркиша нет могилы и нет памятника. Но ему не нужен и кенотаф, потому что он не исчез без следа, как хотели и надеялись те, кто его убил. Памятник ему не только книги, но и наша память, справедливая и полная. Память о его красоте, таланте, бурной и пестрой жизни, прозрениях и заблуждениях и его страшном конце.

(Звучит музыка.)

ВЕЛИКИЙ ОДЕССИТ

(ВЕЧЕР-ПОРТРЕТ)

(Звучит музыка – «Цветущий май», Я. Полонский;
оформление: портрет И. Бабеля работы Ю. Анненкова.)

Одесса! Замечательный город, который в течение второго десятилетия XX века подарил миру целую плеяду блестящих литературных талантов: Багрицкий, Олеша, Инбер, Катаев, Ильф и Петров... Это был щедрый взнос в культурную сокровищницу, внесенный к тому же с истинно южным размахом.

Бабель был, пожалуй, самым крупным из этой блестящей плеяды. Писательская судьба великого одессита – короткая и блистательная, не похожа ни на чью другую, она полна причуд, легенд и загадок. Имя его на целые десятилетия было иезуитски скрыто от читателей. И потому Бебель для многих более знаком, чем Бабель.

Рассказать о нем так, чтобы это было достойно его – трудно. Сегодня мы постараемся составить сколько-нибудь целостное представление о личности писателя, о его творческой биографии и судьбе.

(Звучит "Еврейская рапсодия" И. Дунаевского.)

Все в нем было неповторимо при его, на первый взгляд, непримечательной внешности. В ней не было ничего яркого, цветного. И волосы, и цвет глаз, и кожа – все было приглушенных тонов. Моду он игнорировал, - важно, чтобы было удобно.

Если бы не глаза его... то можно было бы пройти мимо, не оглянувшись: ну, просто еще один обычный, не отмеченный красотой человек.

И. Бабель внешне меньше всего походил на писателя. Он вспоминал, что, когда впервые приехал в Петербург (ему было тогда 22 года),

снял комнату в квартире инженера. Поглядев внимательно на нового жильца, инженер приказал запереть на ключ дверь из комнаты Бабеля в столовую, а из передней убрать пальто и калоши. И двадцать лет спустя во Франции хозяйка запирала его на ночь, боясь, что он ее зарежет. А ничего страшного в его облике не было. Просто он многих озадачивал: бог знает что за человек, чем занимается.

В литературу Исаак Бабель вступал трижды. Впервые его имя появилось в 1913 году, когда киевский журнал "Огни" напечатал его первый рассказ "Старый Шлоймс". Дебют был неудачен, и писатель не любил вспоминать о нем.

Следующая попытка его была более счастливой. В 1915 году Бабель приехал в Петербург. Свои сочинения он разносил по редакциям, но все редакторы убеждали его бросить это занятие. "Но я не послушался", - писал он в своей коротенькой биографии и в 1916 году попал к Горькому.

Встреча с Алексеем Максимовичем предопределила писательскую судьбу Бабеля. Он поверил в свое литературное призвание. Уже в первых рассказах, напечатанных Горьким, Бабель заявил о себе, как писателе самобытном и наблюдательном. Критики отмечали впечатление опытности и молодости пера, новизну и литературную культуру Бабеля.

Необычайная трактовка гуманизма пришлась не по душе царской охранке, его чуть не привлекли к уголовной ответственности за порнографию и покушение на ниспровержение существующего строя, и только февральская революция помешала учинить эту расправу.

Все современники Бабеля утверждают, что он был неутомимо любопытен. Все ему было интересно, и он не понимал, как могут быть писатели, лишенные аппетита к жизни. Он мог часам слушать рассказы о чужой любви, счастливой или несчастной. Бабель располагал собеседника к исповеди, вероятно, люди чувствовали, что Бабель не просто их слушает, а сопереживает.

В 1916 году Горький отправил его в люди на целых семь лет с 1917 по 1924 год. Он был солдатом на румынском фронте, служил в ЧК, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях в 1918 году, в Север-

ной армии против Юденича, в первой Конной армии, в Одесском губкоме, был выпускающим в седьмой советской типографии в Одессе, был репортером в Петербурге и Тифлисе и прочее. Он так и остался в людях после того, как стал известным писателем.

Для всей страны Бабеля открыл Маяковский, когда в 1924 году напечатал его рассказы в журнале "Леф" ("Соль", "Король").

(Звучит музыка.)

Об этом вспоминает Леонид Утесов, еще один знаменитый одессит, который родился и рос рядом с Бабелем, но познакомился с ним не в Одессе, и гораздо позже. О рассказах Бабеля он писал: "Я прочитал их и "сошел с ума". Я читал и перечитывал их бесконечное число раз, кончилось тем, что я выучил их наизусть. Когда я представлял бабелевских героев, меня охватывал буйный восторг и хотелось петь".

Об этом же много лет спустя написал Фазиль Искандер: "Я был ослеплен его стилистическим блеском. После того как я впервые прочел его книгу, не только сам читал и перечитывал его рассказы, но и старался одарить ими всех своих знакомых".

Искандера покорило "полнокровное черноморское веселье в почти неизменном сочетании с библейской печалью".

(Звучит музыка, чтение рассказа.)

В чем был секрет его таланта? Об этом спрашивал и Семен Кирсанов, поэт и, кстати, тоже одессит.

Не надо даром зубрить сабель –
Меня интересует Бабель,
Наш знаменитый одессит,
Он долго фабулу вынашивал,
Писал ли он сначала начерно
Иль, может, сразу шпарил набело –
В чем, черт возьми, загадка Бабеля?

Он объяснил это сам... “Я беру пустяк – анекдот, базарный рассказ – и делаю из него вещь, от которой сам не могу оторваться. Она играет, она круглая, как морской голыш. Она держится сцеплением отдельных частиц. И сила этого сцепления такова, что ее не разобьет даже молния. Его будут читать, этот рассказ, и будут помнить. Над ним будут смеяться вовсе не потому, что он веселый, а потому что всегда хочется смеяться при человеческой удаче. Не моя, конечно, заслуга, что неведомо, как в меня, сына мелкого маклера, вселился демон или ангел искусства. И я подчиняюсь ему как раб, вьючный мул. Я продал ему свою душу. И должен писать наилучшим образом. В этом мое счастье и мой крест. Кажется, все-таки крест. Но отберите его у меня и вместе с ним изо всех моих жил, из моего сердца схлынет вся кровь, и я буду стоить не больше, чем изжеванный окурок. Эта работа делает меня человеком, а не одесским уличным философом”.

Как настоящий мастер слова, влюбленный в литературу, он писал: “От многолетнего прикосновения с человеческой кожей самое грубое дерево приобретает благородный цвет и делается похожим на слоновую кость. Вот так же и наши слова, так же и русский язык. К нему нужно приложить теплую ладонь и он превращается в драгоценность”. Поэтичность Бабеля была очевидна в прямом смысле слова. Эта сжатость сразу была дорога. Фразы его можно цитировать бесконечно, как строчки поэта.

Бабель запечатлел на страницах своих книг наиболее сложные, требующие неоднозначных подходов фазы в биографии страны: революцию, гражданскую войну, коллективизацию.

Его талант заключал в себе гуманизм и безукоризненное мастерство. Прежде всего и главным образом он – автор “Конармии”. Эта книга – выдающийся памятник эпохе с ее революционным максимализмом, жесткостью, верой в грядущее обновление человечества. Он был среди русских литераторов, которые развенчали миф “о сладкой революции”.

В этом смысле Бабель близок с М. Шолоховым. «Конармия» – писал Ф. Искандер, потрясает первозданной подлинностью революци-

онного пафоса в сочетании с невероятной точностью и парадоксальностью мышления каждого красноармейца. Мышление это передается только через жест, слово, действие, как и в "Тихом Доне". Кстати, эти вещи близки между собой (напевностью стремительного повествования).

Читая "Конармию" понимаем, что стихия революции никем не навязана. Она вызрела внутри народа как мечта о возмездии и обновлении всей российской жизни. Но та яростная решительность с которой герои "Конармии" идут на смерть и не задумываясь готовы рубить с плеча каждого, кто враг, вдруг приоткрывает через горечь и авторскую иронию возможность грядущих трагических ошибок.

Тоска по "нашему Марселю" звучит в его конармейских новеллах и дневниках. Одесса становится местом действия многих его рассказов, часть которых объединена общим заглавием "Одесские".

(Звучит музыка из "Фрейлехс".)

Одесса 20-30-х годов сохранила многие черты колоритного своеобразия черноморской столицы, среди обитателей которой Беня Крик и Остап Бендер не казались редкими исключениями. Бабель как писатель созрел, конечно же, в Одессе. О чем бы ни писал Бабель, мысль его постоянно возвращается к Одессе. Герой Бабеля – Беня Крик, прототипом которого был Мишка Япончик, стал героем вполне романтическим. Это неважно, что подвиги Япончика были весьма прозаичны. В них, конечно, можно было увидеть и смелость и, если хотите, твердую волю и умение подчинять себе людей. Но романтики, которая заставляет "влюбляться" в Беню Крика, конечно же, у Мишки Япончика не было. Зато талант писателя-романтика был у Бабеля, и он поднял своего героя на недоступную для того высоту.

Тема человеческого достоинства, противопоставленного душному мирку наживы, роднит "Одесские рассказы" с отдельными сюжетами о босяках молодого Горького. Налетчики Бабеля, эти "аристократы Молдаванки", одетые в рыжие пиджаки и малиновые жилеты – странные налетчики. Они грабят только богатых и стреляют только в воздух, потому что если не стрелять в воздух, то можно убить человека.

(Звучит мелодия "У окошка". Читается рассказ.)

"Я не выбирал себе национальности. Я еврей... Жид", – говорил он. "Временами мне кажется, что я могу понять все. Но одного я никогда не пойму – причину той черной подлости, которую так скучно зовут антисемитизмом".

Органический сплав иронии и еврейского лукавства, патетики и грубейшего натурализма, тончайшее соединение эротики с пронзительным, иногда библейским лиризмом – все эти особенности его дарования проявились в цикле рассказов "История моей голубятни", в удивительной деревенской прозе.

В 30-е годы Бабель много и напряженно работает, постоянно находится в разъездах, в том числе в заграничных поездках.

Он в совершенстве знал французский язык, читал на немецком. Бабель в эти годы почти не печатался, старался освоить жизнь изнутри. Шутил, что освоил жанр молчания. Работа, которую он называл "душевной", никогда не кончалась. Лучшим из того, что Бабель написал в последние годы является новелла "Ди Грассо". Это был 1937 год.

В обстановке сталинского террора, расколовшего общество на жертв и палачей, Бабель неизбежно оказался персоной нон грата. 15 мая 1939 года Бабеля арестовали. В январе 1940 года он был осужден Военным трибуналом на 10 лет без права переписки и с конфискацией всего, принадлежащего ему, имущества.

Фактически это означало расстрел, но жене писателя сказали, что к Бабелю это не относится. Начиная с лета 1944 года на запросы поступал ответ: "жив, здоров, содержится в лагерях", а в 1947 сообщили, что он вернется в 1948 году.

В 1954 году дело по обвинению Бабеля было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления. В свидетельстве о смерти была указана дата 17 марта 1941 года, место смерти и причина смерти неизвестны.

В 1984 году Политиздат выпустил отрывной календарь, где на странице 13 июля было написано "Девяностолетие со дня рождения писателя И.Э. Бабеля 1894-1940 гг." В издательстве на вопрос о том,

почему дата смерти 1940 год, спокойно ответили: “Мы получили этот год из официальных источников”. 1940 год и стал годом его смерти. Попытки найти рукописи, изъятые при аресте, ни к чему не привели. От Союза писателей в КГБ обращался секретарь правления Союза писателей Алексей Сурков.

В предисловии к “Воспоминаниям о Бабеле” Фазиль Искандер писал: “Я думаю, что Бабель понимал искусство, как праздник жизни, а мудрая печаль, время от времени приоткрывающаяся на этом празднике, не только не портит его, но придает ему духовную подлинность”.

Бабель сказал о себе и своем времени все то, что хотел и успел сказать.

(Звучит еврейская мелодия, скрипка.)

ШАГ ОТ МЕЧТЫ ДО ТРАГЕДИИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЧАС КО ДНЮ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ ДАВИДА ВАЙСЕРМАНА "БИРОБИДЖАН: МЕЧТЫ И ТРАГЕДИЯ"

Осталось совсем немного до начала нового столетия. Какие годы в XX веке были самыми горькими и страшными? Мы говорим: Великая Отечественная война, унесшая миллионы жизней...

Война – дело чудовищное, но можно понять ее причины и смысл, а смысл массовых репрессий, пришедшихся на 30-50 годы, понять и осмыслить гораздо трудней.

(Звучит музыка "Вокализ" С. Рахманинова.)

Миллионы крестьянских семей, тружеников, выгнанных на гибель, на Север, с клеймом "кулаки", "подкулачники". Миллионы горожан, отправленных в тюрьмы, в лагеря, а иногда и прямо на тот свет с ярлыками "шпионы", "диверсанты", "вредители"...

Целые народы, обвиненные в измене и изгнанные с родных мест на чужбину.

Что же привело нас к этой небывалой беде? К этому невиданному в истории слиянию, сплаву, сращению органов государственной безопасности с органами прокуратуры и, наконец, с газетами, призванными защищать справедливость, но вместо этого планомерно, однообразно извергающих клевету на гонимых – миллионы миллионов лживых слов о ныне разоблаченных, матерых, подлых врагах народа, продавшихся иностранным разведкам.

Даже в начале 90-х годов официальная пропаганда зачастую повторяла утверждения о том, что многие беды в нашей стране - следствие культа личности Сталина и нарушения принципов социалистической законности органами госбезопасности, вышедшими из-под контроля КПСС.

Начальник подразделения УФСБ по Хабаровскому краю А. Лаврентцов пишет в книге-мортирологе “Хотелось бы всех поименно назвать”: “существовавшая в стране в течение 70 лет система власти была потенциально опасной для людей, возглавлявших спецслужбы: на одном этапе она их принуждала совершать откровенные преступления, на другом – уничтожала их, давая возможность прятать на короткое время преступления самого режима и возглавлявших его лидеров”.

Бывшие сотрудники НКВД впоследствии в ответ на вопрос: “Почему так много расстреливали?” – отвечали: “...нам говорили, что так нужно для партии”.

Если бы люди не были приучены замалчивать или извращать по приказу не одно, так другое – этого, возможно, и не произошло бы. Иногда можно слышать о том, что слишком больно вспоминать то время, надо ли “сыпать соль на рану”...

Примерно в 1962-1963 годах поползли слухи о перемене курса партии, ведь на XX и XXII съездах она все сказала и все исправила. Надо бы теперь говорить о достижениях. Ведь уцелевшие возвращены из лагерей и тюрем, реабилитированы; им предоставлено не только жилье, они трудоустроены, родным погибших выданы справки о посмертной реабилитации сыновей, сестер, мужей, - чего же еще? А сами люди, уцелевшие, пережившие ужас унижения не могли об этом рассказывать даже своим близким, настолько это было страшно, обидно и больно.

Страна сделала для безвинно пострадавших людей совсем немного. Есть закон “О реабилитации жертв политических репрессий”, внесены изменения в закон о пенсиях, малолетние дети, находившиеся вместе с родителями на спецпоселениях, признаны не пострадавшими от политических репрессий, а реабилитированными.

А на нашей территории: вышла в Хабаровске книга-мортиролог – пофамильные списки, составленные на основе фондов архивных уголовных дел УФСБ. Установлены памятные знаки в местах массовых захоронений в Хабаровске. Открылась первая на территории России мемориальная часовня в краевом центре.

Есть в России и литературная память: “Архипелаг Гулаг” А. Солженицына, создан поэтический реквием.

И есть День: светлый день Памяти жертв политических репрессий – 30 октября. Единственный известный человечеству способ лечения души – поминать и оплакивать. Произнести Слово об ушедшем, о погибшем или загубленном вовсе не значит сыпать соль на рану.

(Звучит музыка. Шуман “Грезы”.)

“Отношением к сталинскому периоду нашей истории, вцепившемуся когтями в наше настоящее, – писала Лидия Чуковская, – определяет сейчас человеческое достоинство писателя и плодотворность его работы”.

Изданий об истории ЕАО немного, но и среди них книга нашего земляка Давида Вайсермана “Биробиджан: мечты и трагедия” стоит особняком. Историк-фанатик – недавно так назвали его в одной столичной статье, в этой книге выступает как ученый, как писатель и как человек, который пережил трагедию своих земляков, как собственную боль.

Эта книга как раз о том страшном времени с 1937 по 1957 годы, горькие годы для всей страны и особенно трагические для нашей области.

Шесть лет автор собирал и изучал документы, ранее недоступные. Рукопись помогали готовить к изданию журналист Михаил Петрович Клименков, главный редактор областного телевидения и Ирина Ивановна Мостовая, ныне директор областной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема.

(Звучит музыка. Вальс на стихи А. Жигулина.)

Вторая половина 30-х годов стала периодом величайшей трагедии для миллионов советских людей, которые так и не узнали, в чем их вина.

Поиск врагов народа – государственный заказ для НКВД. За 1937-1938 годы в стране было арестовано 1 372 392 человека, из них расстреляно 681 692 человека.

Постановление №6134 Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия" подписано В. Молотовым и И. Сталиным. 17 ноября 1938 года были подведены первые итоги. Цитирую: «СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечают, что за 1937-1938 гг. под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и, в особенности, разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции».

Репрессии не обошли стороной и молодую, только начавшую вставать на ноги ЕАО. Сталинская "чистка" нанесла ей невосполнимый урон.

В результате экономика, национальная культура области были отброшены на десятки лет назад, под вопрос был поставлен сам эксперимент по созданию национальной государственности на территории.

Уже в 1937 году был арестован и расстрелян как немецкий и японский шпион председатель облисполкома Иосиф Израйлевич Либерберг, прошел три военных суда и был приговорен к 15 годам лишения свободы первый секретарь обкома Матвей Павлович Хавкин. В начале 1938 года расстреляли первого секретаря обкома комсомола Николая Благого, и этот список можно продолжать.

В это время никто, ни один человек, где бы он ни жил, кем бы он ни работал, не был уверен, что проснется завтра в своей постели, а не на тюремных нарах.

Абсурдность происшедшего запечатлена в поэтических строчках:

Когда мне было
Очень-очень трудно,

Стихи читал я
В карцере холодном.
И гневные, пылающие строки
Тюремный потрясали потолок:
“Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, гения и славы палачи!
Таитесь Вы под сению закона,
Пред Вами суд и правда – все молчи!...”
И в камеру врывался надзиратель
С испуганным дежурным офицером.
Они орали:
- Как ты смеешь, сволочь,
Читать антисоветские стихи!

1938 год был годом 10-летнего юбилея ЕАО. В мае состоялась 3-я областная партийная конференция, на ней рапортовали, что с ноября 1937 года по май 1938 года исключено из партии 126 человек, арестованных органами НКВД.

Были разгромлены почти все руководство области, районные активы. Из комсомола за первое полугодие 1938 года исключено 44 “врага народа”.

Как страшно судьба оборачивалась против людей. На 2-й областной партийной конференции в мае 1937 года выступал секретарь узлового парткома г. Облучья Василий Зайцев, коммунист ленинского призыва: “Депо Облучье и 1 отделение являются важнейшими политическими и стратегическими пунктами. Понятно, что японская контрразведка в них крепко поработала и насадила шпионов и вредителей. Один только факт – разоблачено 40 прямых врагов и 13 из них расстреляно, говорит, насколько серьезно засел в депо враг. Каждый месяц было 4-5 крушений. Из 50 паровозов работали 15-18, остальные все время ремонтировались. Обком партии окончательно дезориентировал нас, так как он исключенных за антисоветские дела Лапицкого, Заезженного и Гришко восстанавливал в партии и приписывал нам перегибы”.

А через три дня он был арестован, 25 сентября 1937 года его исключили из партии как врага народа, а через месяц расстреляли.

Руководство краевого управления НКВД упрекало коллег из ЕАО за то, что область отстает по арестам контрреволюционеров и других врагов народа. На самом деле органы очень старались, и на обозном заводе был раскрыт антигосударственный заговор. Расстреляли в один день семью Гончаровых - пять родных братьев, работавших на обозном заводе: табельщик, кузнец, стрелки-охранники, сторож. За то, что завод, строившийся 5 лет (Известковый завод в Лондоко) не был сдан к 1 января 1937 года, расстреляли директора Георгия Саковского.

Репрессиям подвергались не только руководители партийных и советских органов, предприятий и организаций, но и рядовые рабочие, крестьяне, простые, не облеченные властью люди.

Булгаков Григорий Прохорович был одним из лучших специалистов областного управления связи. В 1938 году он был расстрелян.

Трудно понять логику вождя и его опричников. Молох репрессий глотал и случайных людей. Но чем дальше, тем организованнее становилась эта тотальная война с собственным народом. В первую очередь уничтожались, независимо от партийной принадлежности, те, кто еще был способен оценивать события, мыслить, да просто сохранял индивидуальность. Такие выделялись из общей массы. Они не напивались до смерти, не бездельничали, не воровали. Трудились от зари до зари.

С особой жестокостью репрессии обрушились на село. Уничтожались наиболее грамотные и трудолюбивые колхозники. Коса репрессий не разбирала, кто какой национальности, она косила русских, белорусов, корейцев, евреев и многих других. В ежово-бериевских лагерях были равны и малограмотный амурский крестьянин, и интеллигент еврей.

Молодая ЕАО одновременно с ликвидацией тружеников своего Отечества приняла участие в очередном сталинском эксперименте. Речь идет о депортации народов в нашей области, этот эксперимент пришелся на корейских граждан. 26 сентября 1937 года бюро Даль-крайкома ВКП(б) приняло постановление “О выселении корейского населения из Смидовичского района и города Комсомольска-на-Амуре”. Руководить

депортацией было поручено пресловутой тройке: уполномоченный крайкома ВКП(б) Тонкачев, уполномоченный крайисполкома Минский (он же председатель Смидовичского райисполкома), уполномоченный УНКВД по ДВК Борзов.

Более 70 лет жили и трудились здесь корейцы. Их в течение 4-5 часов депортировали в южные районы страны, почти без нажитого имущества. Для многих из них этот путь стал последним в жизни. Им даже 24 часа не дали для того, чтобы подготовиться к отправке.

Многим жителям нашей области известно о коммуне "ИКОР". С 1931 года в нее влились иностранцы, приехавшие в область как добровольцы из Аргентины, Польши, Франции, Германии, Литвы, Латвии. Председателем коммуны был Иосиф Ферер, переселенец из Аргентины, его три сына названы в честь Маркса, Энгельса, Ленина – Маэлс, Револьд, Вилен. Он был осужден особым совещанием за контрреволюционную деятельность на 10 лет.

Нина Ферер писала письма в Кремль в защиту своего мужа: "Прошу Вас, тов. Берия, принять участие в нашем горе. Все говорят, жалуйтесь в центр. Но на что я могу жаловаться, когда я даже не знаю, в чем в сущности обвиняют мужа. А муж сам не может писать, так как его письма не пропускают. Он даже ни в одном письме не пишет, за что осужден".

В 1946 году в июне она вновь пишет, уже товарищу Гоглидзе, депутату Верховного Совета СССР. Ферер умер 17 мая 1946 года, а о его смерти жена узнала спустя 11 лет. Семьям осужденных справки о расстреле не выдавали. Это считалось совершенно секретным делом. Молодая женщина, прожив с мужем всего один год, родив ему ребенка, ничего не знает о нем 13 лет, просит всего лишь дать справку, что ее муж арестован и ничего больше, но не получает ее.

Не обошли репрессии и местные СМИ, их обвиняли в неверной позиции. В 1937-1938 годах практически вся редакция газеты "Биробиджанская звезда" была репрессирована.

В те годы Эммануил Казакевич решил вступить в ВКП(б), 1 ноября 1937 года его принимали в кандидаты партии. Он собрал у лучших специалистов, известных в ЕАО людей рекомендации. Он был принят в

кандидаты партии, но вскоре это решение было отменено, так как все, рекомендовавшие Казакевича в партию, были арестованы как враги народа. Ему помогли, предупредили, и он уехал в Лондоко, затем в Москву.

В 1937 году был расстрелян поэт Изи Харик. Нам известен он стихами "Ночь в Биробиджане". В его поэзии были отчетливо слышны еврейские мотивы.

После войны началась мощная кампания по промыванию мозгов. Ее жертвами стали деятели культуры, работники средств массовой информации и пропаганды.

В 1947 году Борис Миллер, будучи редактором газеты "Биробиджанер штерн", позволил себе резко критиковать представителей аппарата за невнимание к литературной общественности вообще и к национальной культуре в частности, к примеру за то, что газета "Биробиджанер штерн" не укомплектована национальными кадрами.

Через пару лет закрылись еврейские школы, национальное образование перестало существовать. Смелость Миллера не забыли. В 1948 году ему досталось за связь с Дер Нистером, который одним из первых был арестован как буржуазный националист.

Дер Нистер (Пинхас Каганович) был известным писателем, его произведения печатались в Москве, Варшаве, Берлине, Риге, Нью-Йорке. Посетив Биробиджан, он написал ряд очерков "Биробиджанские мотивы". Дер Нистер активно работал в антифашистском еврейском комитете в годы Великой Отечественной войны. В 1948 году книги его изъяли. Он ушел из жизни в лагерной больнице.

Тучи над головой Бориса Миллера сгущались, его арестовали, следствие тянулось до конца мая 1950 года. Ему вменили в вину антисоветскую деятельность. В газете "Биробиджанер штерн" перечислены фамилии евреев, удостоенных звания Героя Советского Союза. Список был озаглавлен "Честь и слава еврейскому народу". Следователь на допросе спрашивал: «Вам разве неизвестно, что определение "еврейский народ" противоречит национальной политике партии и правительства?».

Бориса Миллера приговорили к 10 годам за активную подрывную деятельность против национальной политики ВКП(б) и советского правительства.

Поэтесса Люба Вассерман, приехавшая из Палестины, писавшая на идиш, не могла оставаться на свободе. О нашем городе, ставшем ей родным, она писала:

Биробиджан – мой дом
И песнь моя о нем.
Люблю свою страну – Биробиджан.

Из протокола допроса Любы Вассерман:

Стихотворение, изъятое у меня при обыске, написано в 1947 году.

Признаете, что оно националистическое?

Да, потому что в нем допущено такое националистическое выражение "Люблю свою страну – Биробиджан".

Значит, признаете, что вполне сознательно пропагандировали национализм?

Нет, не признаю. Потому что стихотворение мною опубликовано не было и никто его не читал.

Вместе с Любой Вассерман арестовали поэта Гесселя Рабинкова, Бера Слуцкого, переводчика радиокомитета, Голдвассера (Эмиота), поэта Израиля.

Страницы книги открывают удивительные характеры жен, чьи мужья были арестованы. Нельзя не отметить мужество и стойкость супруги Гершкова. Рива Мееровна Гершкова-Сокирянская сразу же после ареста мужа была приглашена на беседу к Симонову в обком партии, где ей прямо, без намеков сказали, что она, занимая очень высокую должность – государственного арбитра при облисполкоме, должна подумать, с кем ей быть: с партией или с мужем? Рива Мееровна ответила прямо и резко: "С мужем".

Симонов выгнал ее из кабинета. Через два дня ее пригласили в МГБ на беседу с начальником органов безопасности области. Здесь ей, не церемонясь, дали понять, что будет с ней и ее детьми, если она не отречется от своего мужа. Но Гершкова-Сокирянская и здесь долго не раздумывала: "Я пойду за Абрамом Аншелевичем хоть на край света". 24 ноября 1950 года Риву Мееровну "за потерю политической бдительности" исключили из партии. К этому времени она уже была снята с

прежней должности и работала приемщицей на базе легсбыта в г. Биробиджане.

Не думал - не гадал Лев Зингерман, собирая в Новый год своих друзей и родственников, что праздник выльется в трагедию. Когда выпили первую рюмку за Новый год, хозяин дома попросил всех присутствующих поднять тост за государство Израиль, за истинную еврейскую культуру и за сына, который в начале 1948 года уехал на землю обетованную.

Этот злосчастный тост на новогоднем вечере стал предметом обсуждения на IX областной партийной конференции. А виновник всей этой истории – кузнец Лев Зингерман - был приговорен к 25 годам лишения свободы и уже никогда не вернулся в родной Биробиджан, город, в котором он прожил около 20 лет, город, в котором осталась его семья, откуда ушел на фронт и погиб под Киевом в 1942 году его младший сын Исаак.

У Герцена есть такая мысль, то, о чем не осмеливаешься сказать, существует лишь наполовину. Сначала наполовину, потом на четверть, потом на одну десятую, потом пострадавшие и свидетели вымрут, а если вовремя заставить замолчать прессу, то новые поколения толком ничего не узнают и не осмыслят, и не выведут для себя из истории отцов и дедов никакого урока.

Потому в преддверии Дня памяти жертв политических репрессий мы выражаем благодарность нашему земляку, совершившему свой гражданский подвиг, историку Давиду Вайсерману, автору книги “Биробиджан: мечты и трагедия”.

Боль автора так велика, что пройдет еще не один год, пока он сможет приняться за изучение истории последних 30 лет, увидеть новые молодые ростки того, что заложили, внесли в эту землю те замечательные люди, которые вошли в нее навечно.

Нам в наследство они оставили свой опыт национального образования и воспитания людей, пример честности и благородства, любви к нашему городу и к Еврейской автономной области.

Их начинания не пропали даром. Здесь нет преследований по национальному признаку. Здесь, как нигде, люди любой национальности терпимы друг к другу. Будущее области зависит от нас с Вами.

(Звучит песня Н. Лошманова, на стихи В. Соломатова "В городском саду" в исполнении И. Кобзона.)

ОБЗОРЫ

ПРОПИСКА ДУШИ

ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ-БИРОБИДЖАНЦЕВ

В нынешнем году исполнится шестьдесят лет городу на Бире. Чуть более полувека прошло с того дня, когда усилиями евреев-переселенцев, построивших среди тайги жилые дома, клубы, фабричные и заводские корпуса, станция Тихонькая стала именоваться городом Биробиджаном.

С первыми эшелонами переселенцев, в одних вагонах с каменщиками, штукатурами, пахарями, трактористами приезжали сюда те, кому суждено было увековечить вдохновенный труд свободных людей на свободной земле, создать о них рассказы, повести, романы, пьесы, стихи и поэмы.

Впрочем, многие из тех, чьи имена мы назовем сегодня, приехали на земли, расположенные в долине рек Биры и Биджана, вовсе не в ранге писателей. Одни были трактористами, как Исаак Бронфман, другие - школьниками, как Арон Вергелис. До того, как стать журналистом и членом Союза писателей, Эммануил Казакевич был руководителем строительства кинотеатра, лесозаготовителем, культработником среди переселенцев, председателем колхоза, организатором и первым директором национального театра.

Они все были активными строителями нового города и его певцами. В первом выпуске альманаха «На берегах Биры и Биджана», вышедшем в 1972 году, в своих воспоминаниях об Эм. Казакевиче «Память сердца» журналист Наум Фридман, тоже прибывший сюда авангардным эшелоном, пишет: «Уже в первом изданном в Биробиджане сборнике стихов Казакевича ощущается, пусть еще не совсем твердый, но своеобразный почерк поэта. Чем дальше, тем больше элементы декларативности, плакатности уступают место гражданственным мотивам, более емким, глубоким».

Верно и точно подмечено. Казакевич писал свои стихи на идиш. Этот факт биографии автора «Звезды» и «Синей тетради», великолепного мастера русской советской прозы мало известен. Спустя три десятилетия с момента появления его стихов в печати молодые в ту пору биробиджанские поэты Виктор Соломатов и Леонид Школьник познакомили с поэтическим наследием Эммануила Казакевича широкого русского читателя.

Все в том же альманахе «На берегах Биры и Биджана» впервые на русском языке в переводе В. Соломатова напечатаны стихотворения «Земля, на которой я счастлив» и «Тайга», а также поэма «Начинается город".

В ней Эм. Казакевич дает развернутую картину первых дней строительства. Увидевшая свет на идиш в 1936 году, она воссоздает эпизоды прихода на землю Биробиджана первых эшелонов. Поэт не боится показать те трудности, с которыми пришлось столкнуться на первых порах. Со знанием дела, точностью деталей, опытом человека, видевшего все, о чем пишет, повествует Эм. Казакевич о первых шагах переселенцев на новых землях. Строфы поэмы согреты теплым юмором, озарены доброй улыбкой.

Вот лирический герой с усмешкой повествует о том, что «он был одним из лучших зданий города, сарай, что выводил под крышу я». Что ж, среди шалашей и палаток, наскоро срубленных бараков «сарай»-клуб мог быть действительно «лучшим зданием». Однако автор из своего сегодня, оглядываясь во вчера, провидит завтра. И уж если сегодня ему вчерашний дворец кажется сараем, то в будущем в городе поднимутся настоящие дворцы.

Этой верой в светлое будущее проникнуто все поэтическое творчество Эм. Казакевича биробиджанского периода, ставшее радостным гимном труду.

В свой поэтический сборник «От первого лица», вышедший в 1984 году, Леонид Школьник включил раздел переводов с еврейского. В том числе и стихов Эм. Казакевича. И все они - об области, о городе на Бире и его людях, с которыми вместе он строил этот город и о которых сложил такие стихи:

Те, кто в эшелонах
Шумных приезжает,
Город свой построить
Над Бирой мечтает –
Солнечный, как песня,
Юный и прекрасный,
Как улыбка, светлый,
Как удача, ясный!
(перевод Л. Школьника)

Они построили этот город. Он вытянулся по обоим берегам Биры - большой, шумный, индустриальный, зеленый.

Немало проникновенных строк посвятили в своем творчестве Биробиджану и другие поэты, жившие и работавшие здесь. Целый цикл стихов мы встречаем у Арона Вергелиса, Генриха Шведика, Изи Харика, Бузи Олевского, Самуила Галкина, Любови Вассерман, Бориса Миллера, Хаима Бейдера.

Биробиджан стал поэтической родиной и для известного поэта Исаака Бронфмана. Он так же, как и Эммануил Казакевич, прибыл на землю Приамурья с первыми эшелонами, но в отличие от Эммануила поэтический голос Бронфмана окреп и сформировался в 40-50-х годах. В тридцатых годах было напечатано всего несколько стихотворений в «Биробиджанер штерн». Потом была война, долгие и трудные фронтовые дороги танкиста и возвращение с победой.

И. Бронфман в жизни был человеком основательным. И в творчестве своем любил основательность. Предваряя его второй сборник «Доброе слово» (1975 г.), вышедший на русском языке (первый - «Подснежник» - появился в 1965 г.), Михаил Асламов пишет: « Эти стихи не поразят воображение читателя изощренностью поэтических ходов, изысканностью или размашистой легкостью слога, вспышками неожиданных сравнений, метафор. Они скромны и неторопливы, как раздумья пахаря или рабочего в минуту недолгого отдыха... Притягательная сила этих стихов в их жизненной достоверности».

Если ретроспективно взглянуть на творчество И. Бронфмана, внимательно перелистать его книги (а их вышло в свет пять - три на

русском и две на идиш), мы увидим, что главной его темой всегда была «земля, на которой он счастлив», ее люди. Он посвящает свои поэтические строки цементникам Теплоозерска и хлеборобам Амурзета, бойцам Волочаевки и герою-земляку Иосифу Бумагину, пишет о комбайностроителях и швейниках.

Все творчество Исаака Бронфмана пронизано светлой любовью к Биробиджану. Он к нему неравнодушен, он подарил ему свое сердце. В одном из лучших своих стихотворений «Улица Шолом-Алейхема» Бронфман признается: «Не жалею, что кирпичиком здесь лег я вот в эти мостовые и дома». В том же стихотворении с неподдельной гордостью, высоким пафосом жизнеутверждения пишет строки:

Тут поднялись дома
До неба синего.
Тут встали корпуса
Заводов новых.
Живут здесь люди,
Честные и сильные, -
Строители невиданнейшей нови.
(перевод В.Соломатова)

В 60-70-е годы, когда в полную меру проявился талант И. Бронфмана, крепли голоса подрастающего поколения поэзии Биробиджана. Именно тогда зазвучало слово Анатолия Кобенкова, Ольги Ермолаевой, Леонида Школьника. Все они принадлежат к поколению, рожденному после войны. Они выросли в Биробиджане, он - их не только поэтическая, а самая настоящая родина. И, конечно же, в своем творчестве они не могли обойти молчанием родной город. Ибо узы незримые, но нерасторжимые связывают поэта с родной землей и рано или поздно заставляют сказать свое слово о ней. Пятнадцатилетнему Толе Кобенкову отлично удавались жанровые городские стихи-этюды; шестнадцатилетняя Оля Ермолаева, принятая после десятилетки в редакцию газеты «Биробиджанская звезда» на должность библиотекаря, писала лирические миниатюры, сравнивая свой город с песней:

А город мой, как песенка, короткий.
В нем улицы прозрачны и тихи.

Вот тут живут друзья мои хорошие,
Тут бродит мальчик, пишущий стихи.

Все в этих стихах было узнаваемо, потому что непосредственность детского восприятия окрашивала их в лирические тона.

Несколько ранее А.Кобенкова и О.Ермолаевой заявил о себе как о человеке пишущем Леонид Школьник. Его стихи, пожалуй, менее эмоциональны, но зато более обстоятельны, лишены поверхностной описательности. Он как бы принял эстафету старших товарищей - поэтов-первостроителей, поэтов, прошедших горнило великой войны. И отрадно, что эту свою основательность, обстоятельность сохранил и сберег он в своем творчестве до книжки «От первого лица», вышедшей в 1984 году в Хабаровске. В ней добрая половина стихов посвящена Биробиджану. Л.Школьник как бы даже декларирует свою преданность этому городу:

В любых изысканных столицах,
В чужих гостиницах - всегда
Мне этот город светлый снится
И светлая моя Бира.

Даже по одним названиям стихов - «Памяти зампотеха танковой роты Исаака Бронфмана, поэта», «Эммануилу Казакевичу», «Здесь прописана душа», «Вечер поэзии Николая Капусто», «Баллада о дворнике», «Маме» - угадывается тема и лирический настрой автора. Жаль, что в книжку не попало стихотворение «Город, ставший судьбой». Оно опубликовано в альманахе «Литературный Биробиджан». В этом большом стихотворении (или в маленькой поэме) о судьбе Рохл и Эли - первопереселенцев - Леонид Школьник как бы продолжает тему, разработанную Эм. Казакевичем в поэме «Начинается город». Но Казакевич мог только предполагать, предсказывать, каким станет наш город. Л. Школьник - живой свидетель нашего сегодня - живописует это сегодня:

«Дальсельмаш» грохочет гулко,
А вдоль берега Биры
Из детсада на прогулку
Вышла рота детворы.

Как видим, поэты разных поколений не обошли в своем творчестве молчанием город на Бире, город, ставший для многих из них и жизненной, и литературной колыбелью и судьбой.

1997 г.

ГОРИ ЖЕ, ГОРИ, СЕМИСВЕЧНИК

Традиция еврейской темы в поэзии давняя, она восходит к древности, обогащается в средневековье и особенно в XIX веке. В 1874 г. в России была издана антология "Библейская поэзия", а в 1917 - поэтический сборник "У рек Вавилонских: национально-еврейская лирика в мировой поэзии", в 1918 вышла "Еврейская антология" под редакцией В. Ходасевича. В Берлине в 1922 году был издан сборник под той же редакцией "Из еврейских поэтов". Наиболее полным собранием еврейских мотивов в русской поэзии была книга "Неопалимая купина", вышедшая в Нью-Йорке в 1973 г.

В 1974 г. в Израиле появился сборник "На одной волне", подготовленный Тамарой Должанской. Он был переиздан в 1990 г. в серии "Библиотека "АЛИЯ". Здесь собраны стихи поэтов XIX и первой половины XX века, стихи, вышедшие на одной волне: волне еврейской трагедии, еврейской боли, еврейской веры и надежды.

Составитель задается вопросом, как пишущие на русском языке поэты, в том числе поэты-евреи, включившиеся в русскую поэзию, пришли к еврейской теме?

Есть несколько дорог, считает Т. Должанская, одна из них исходит из первоначальной среды поэта, из впечатлений детства, связанного с еврейским народом, другая - это дорога выросших в ассимилированной среде людей, которых настигла еврейская судьба.

Новый сборник на эту тему издан в 1993 году Еврейским университетом в Москве совместно с Иерусалимским Институтом еврейских исследований рава Адина Штейнзальца, объединен с предыдущим подзаглавием "Еврейские мотивы в русской поэзии", а называется он "Менора", так как сложился по известному образу традиционного еврейского семисвечника. В книге семь глав, и хотя объединение стихов по темам, конечно же, условно, стихи сборника собраны именно так: Народ тыся-

челетий (его многострадальный путь), Эрец-Исраэль (магия Святой земли), Холокост (катастрофа XX века), Еврейско-русское (русское еврейство), Юдофилы и юдофобы (тайны ненависти и любви), Над Библией (вечная Книга), Жены Сиона - вот семь поэтических свечей книги.

Составила этот сборник Ада Колганова, сотрудник Российской государственной библиотеки по искусству.

Книга эта составлялась не для евреев или неевреев, не для верующих или атеистов, она для тех, кого волнует загадка еврейства. Это издание отличается от всех предыдущих иным подходом к составлению. Здесь не ставилась цель собрать литературную антологию, показать индивидуальность каждого поэта в еврейской теме, представить авторское творчество. Она задумана была для того, чтобы восполнить пустоты на "поэтической полке".

На страницах "Меноры" рядом с классически известными читатель найдет произведения, никогда не переиздававшиеся в советское время. Это ранние стихи С. Маршака, С. Фруга, Т. Щепкиной-Куперник, Л. Яффе и других. Публикации сегодняшних дней позволили указать Б. Слуцкого как автора стихотворений "Евреи хлеба не сеют...", "А нам, евреям, повезло...", ходивших прежде в списках и отнесенных к стихам неизвестного автора.

Многие стихи были найдены на страницах старых русско-еврейских журналов ("Восход", "Еврейский мир", "Еврейская жизнь", "Еврейская библиотека", "Молодая Иудея"), стихи выуживались из книжных каталажек спецхранов: сочинения Ф. Сологуба, А. Галича, Ю. Айхенвальда, Е. Гинзбург, Н. Коржавина, матери Марии (Кузьминой-Караваевой). Неизвестные сочинения были найдены в фондах ЦГАЛИ. Из них в сборник включены "Стихотворение на открытие синагоги" С. Фруга и "Еврейке" неизвестного автора. Впервые публикуется "Послание Маркову" С. Маршака - стихи в защиту "Бабьего Яра" Е. Евтушенко.

Еврейской теме иной поэт мог посвятить всего одно стихотворение. Одно, но какое! Стихотворение С. Надсона "Я рос тебе чужим" стоит среди вершины русской поэзии.

Я рос тебе чужим,
отверженный народ,
И не тебе я пел
в минуты вдохновенья.
Твоих преданий мир,
твоей печали гнет
Мне чужд, как и твои ученья.
...Когда твои враги,
как стая жадных псов,
На части рвут тебя,
ругаясь над тобою,
Дай скромно стать и мне
в ряды твоих бойцов,
Народ, обиженный судьбою.

Эта тема смогла собрать целые циклы у И. Бунина, А. Галича, Л. Мея, Б. Слуцкого. “Отзвуки Давидовых псалмов” звучали у самых неожиданных авторов от О. Анстей до И. Бродского. Впервые в сборнике стихов на еврейские темы напечатаны стихи нашего земляка, Анатолия Кобенкова. Составитель характеризует их, как ностальгические зарисовки детства. Они действительно таковы и не только для самого автора, но и для нас, биробиджанцев, поскольку многие помнят и ту дежурную булочную на улице Ленина и времена, когда здесь звучала еврейская речь.

Мир его маленьких поэтических повестей на еврейскую тему полон нежности, добра и надежды.Он любит своих героев, иногда подсмеивается над ними, но не со зла, а так, как подсмеиваются над милыми и дорогими людьми.

Мир еврейских местечек...
Печальный писатель Канович
еще помнит его.
Там до дыр зачитали Талмуд.
Там не хуже раввина
собаки, коты и коровы
понимают на идиш

и птички на идиш поют;
Там на каждый жилет –
два еврея, четыре заплаты.
Там на каждую жизнь –
По четыре погрома, по три...
Там еще Эфраимы,
Ревекки, Менахемы, Златы,
балагулы, сапожники,
шорники и шинкари.
Их скупому дыханию
звезда запотевшая светит,
их смазным сапогам -
из полей палестинских песок...
Эмигранты империи,
соломоновы бедные дети,
на повозках молитв
отбывающие на восток...

Стихи на еврейские темы А. Кобенкова печатались в "Биробиджанской звезде" еще в начале 60-х годов, печатались в сборниках Восточно-Сибирского книжного издательства в 1968, 1974, 1986 годах. В 1984 году его стихотворение "Улица" напечатано в сборнике "Литературный Биробиджан". Российский читатель мог познакомиться с ними в сборнике "По краям печали и земли", вышедшем в Москве в 1989 году в издательстве "Советский писатель" - в него вошли стихи "Из семейного альбома", "Родня", "Визит".

Теперь его стихи прочитают жители Израиля.

Всего в сборнике "Менора" собрано двести девяносто три стихотворения ста семнадцати поэтов. Читатели найдут здесь указатель авторов и примечания, составленные также Адой Колгановой.

Ею подготовлен второй вариант сборника еврейских мотивов в русской поэзии.

В расширенное издание включены стихотворные переводы с идиш и иврита, он снабжен обширным справочным аппаратом.

1996 г.

"ОКНО В МИР"

“Окно в мир” - это возможность путешествий за границу и путешествий не выходя из дома. “Окно в мир” - это замечательная серия путеводителей, которая по-английски называется Insight Guides. Эта серия появилась более 20 лет назад, ее 180 изданий с более шестьюдесятью тысячами цветных фотографий представляют уникальную энциклопедию путешествий.

Серия путеводителей вышла на английском, французском, немецком, голландском, итальянском, испанском, датском, шведском и китайском языках в более чем пятидесяти странах мира. Успех серии состоит в том, что позволяет не только побывать в красивейших и интереснейших местах Земли, но и познакомиться с разнообразием традиций и характеров народов их населяющих.

Каждая из книг написана авторским коллективом специалистов в различных областях знаний. Известнейшие фотохудожники предоставили свои работы для оформления.

Кто предпочитает путешествовать не выходя из дома, найдет в этих книгах массу увлекательной информации, те, кто во время своих поездок привык пользоваться конкретным справочным материалом, могут воспользоваться практической частью, включающей полезные советы и необходимые адреса из книг серии.

Путеводитель по Израилю - это больше чем просто путеводитель. Взоры авторов обращены в глубину истории, к происхождению иудаизма, христианства и ислама.

Первое издание было подготовлено коллективом писателей и фотографов под общим руководством главного редактора Джорджа Мэлрода. Выпускник Гарвардского университета, специалист по экологии и теории коммуникации в этой книге написал главы по Южному, Центральному и Северному побережью, а также “Новый город Иерусалим”.

Великолепный авторский коллектив представляет ученых, писателей, журналистов, выходцев из США, Англии, Израиля, Новой Зеландии, получивших образование в лучших университетах мира, ныне живущих в Израиле. Русское издание путеводителя "Израиль" подготовленное издательством "Эком-Пресс", вышло в Москве под общей редакцией Владислава Говорухина.

Много узнаем мы из путеводителя о завоевании Святой земли, жизни в диаспоре, о государстве Израиль, киббуцах, о духовной жизни евреев, культуре, о возрождении иврита.

Возрождению языка мы обязаны одному человеку – сионистскому мыслителю Элиезеру Бен-Иегуде. Он родился в Латвии в 1858 г., а в 1881 г. эмигрировал в Палестину. По его мнению, возрождение языка являлось необходимым аспектом политического и культурного возрождения еврейского народа. С фанатической одержимостью он в одиночку начал кампанию по восстановлению языка иврит как живого активного механизма общения не только в синагоге, но и на улице, рынке, дома. Его сын Итамор стал первым современным ребенком, родным языком которого был иврит. Ортодоксальное население, осознав, что Священный язык будет использоваться для обыденной жизни, объявило ему херем (религиозное отлучение).

Ультраортодоксальная община евреев – ашкенази – и по сей день считает светское использование иврита осквернением священного языка и полностью отвергает его использование, прибегая в повседневной речи к идишу.

В Технологическом университете (основанном в 1913 г.) официальным языком был немецкий. Его бойкотировали преподаватели и студенты. Лишь через несколько лет языком, на котором проводились занятия во всех еврейских учебных заведениях, стал иврит.

Бен-Иегуда составил "Словарь древнего и современного иврита", основал в 1890 г. Академию языка иврит. В предисловии к словарю он писал: "В те дни словно небеса раскрылись передо мной и ослепительно яркий свет озарил мой взор, и я услышал могучий внутренний голос, который произнес: "возрождение Израиля на земле предков".

Археология в Израиле является национальным увлечением. Границы земли обетованной пересекали исследователи всех религиозных убеждений. Их рассказы полны историй о безвременных смертях и мистических союзах с мудрецами и пророками прошлых времен. Средневековые искатели приключений рассказывали о том, что те, кто осмеливался войти в усыпальницы патриархов, падали без чувств, а то и погибали. Но эти истории не пугали энтузиастов. Теперь геологи без труда могут определять возраст археологических находок, вести раскопки под водой, использовать перекрестную ссылку на находки в компьютерах и быстрее узнавать об открытиях своих коллег. Они могут прибегать к услугам специалистов, в том числе палеоботаников, остеологов, этнологов, филологов и библейских толкователей, способности которых помогают в истолковании их находок. Археология является отличным времяпрепровождением для жителей Ближнего Востока, которые имеют склонность к спорам и дискуссиям. Если вы бродите по арабским рынкам Иерусалима, посещаете школу в киббуце или пьете кофе на улице Дизенгоффа в Тель-Авиве, обязательно окажется, что один из ваших соседей точно знает, кто захоронен в гробнице Давида. По существу в Израиле рады каждому, кто способствует восстановлению его древнего прошлого.

Особенно интересен раздел представленной здесь книги - “Люди”.

Величайшим источником силы Израиля является его народ. Приблизительно 4 из 5 граждан, постоянно проживающих в Израиле, евреи. Израильское правительство, несмотря на все экономические трудности, делало все от него зависящее, чтобы протянуть руку евреям, разбросанным по всему миру. С 1948 по 1952 г. население страны удвоилось, увеличившись до 1,4 млн. человек. Многие из прибывших были евреями ашкенази из Европы, беженцами, спасавшимися от катастрофических последствий нацистского пожарища, или беженцами из-за “железного занавеса”. Сотнями тысяч прибывали из Северной Африки и арабских стран евреи-сефарды, из других следует отметить друзов и бедуинов, арабов, мусульман, христиан, живут там и чернокожие евреи (фалаши).

Израиль является домом для небольшой общины черкессов (говорящих на арабском языке кавказцев) и даже несколько сотен вьетнамцев, прибывших сюда на лодках. Таким образом, Израиль представляет собой пестрый людской калейдоскоп.

Хелен Дэвис родилась в Новой Зеландии, в Израиле работает в качестве репортера. Она пишет об уроженцах Израиля: "Возьмите иммигрантов из более чем 100 стран, перемешайте их и составьте смесь – это и будет сабра, коренной житель Израиля, названный так по имени плода кактуса, колючего снаружи, сладкого внутри. Остроумное упрощение, но удивительно точное".

Если Израиль является западной страной на Востоке, то такой ее сделали ашкенази. Израиль – это детище ашкенази – евреев из Восточной и Западной Европы, которые сумели создать современное динамичное еврейское государство.

А кто такие сефарды? В строгом смысле слова евреями-сефардами считаются те, кто ведет свое происхождение от еврейской общины, процветавшей в Испании, но в современном понимании к сефардам относят всех тех евреев, кто не ашкенази – евреев из Марокко, Курдистана, Туниса, Алжира, Ливии, Ливана, Йемена и Египта, из Советской Грузии, Греции, Турции и Афганистана.

Большинство из более чем 40 000 эфиопских евреев, проживающих ныне в Израиле, в прошлом были неграмотными крестьянами, а арабы Палестины не стали бежать из своих домов. Больше всего арабов живет в городах и поселках Галилеи. Имеются арабские общины в Назарете, Хайфе, Яффе, Иерусалиме.

А кто такие палестинцы? Некогда это слово означало всех мусульман, христиан и евреев, проживающих на клочке земли, на котором нынче расположен Израиль, западный берег Иордана, и королевство Иордании. В накаленной до предела атмосфере арабо-израильского конфликта термин "палестинцы" сузился и стал обозначать только исключительно арабов с бывшей английской подмандатной территории Палестины.

Очень много интересных сведений содержится в статье "Бедуины". Для большинства людей бедуин – скотовод, кочевник, живущий в пус-

тыне, его можно встретить едущим верхом на верблюде. Этот романтический образ далек от настоящего. Около 20% бедуинов не живут в пустыне, и их деревни мало отличаются от арабских. Они выращивают овощи и даже миндаль, инжир, виноград. Хотя бедуины не подлежат призыву в армию, но многие из них все же служат в армии разведчиками и проводниками, а некоторые дослужились до высоких званий.

Несмотря на свои малые размеры, Израиль является одной из наиболее многообразных в экологическом плане стран мира. С географической точки зрения Израиль расположен на стыке Евразии и Африки. Миграция многих жизненных форм осуществляется через эту страну. Дважды в год миллионы перелетных птиц пролетают над его территорией. В одном лишь Эйлате можно встретить свыше 150 видов перелетных птиц.

В Израиле гора Хермон на северной границе вздымается на высоту 2814 метров, Мертвое море, находящееся на отметке 400 метров ниже уровня океана, является самой низкой точкой на земной поверхности. Широкие равнины Галилеи, горный хребет Иудейских гор высотой почти в 1000 метров, субальпийские луга и тропические джунгли, самые северные на земле папирусные болота. Израиль – это земля евроазиатских дубов и африканских акаций, евроазиатских лис и волков и африканских газелей. Это место слияния континентов, флоры, фауны и геологии.

Если вы не знаете достопримечательностей Израиля, то их в этой стране на площади 125 км в ширину и 445 км в длину сосредоточено множество.

Путеводитель приглашает нас побывать в крупнейших городах Израиля, мы узнаем их историю, увидим достопримечательности, побываем в музеях, соборах, монастырях, садах и парках, в домах великих людей. Нам посоветуют побывать в местах, где можно отведать пикантные блюда, мы узнаем историю театров, побываем на рынках, в шикарных магазинах, в картинных галереях, отелях и пляжах...

Побываем там, где начинается Израиль – на южном берегу, где пляжи носят библейские названия: “Берег Самсона”, “Берег Далилы”, в цитрусовой стране – плодородной долине Шарон (центральное побере-

жье), в цветущем портовом городе и морском центре Хайфе. Там мы посетим единственное в Израиле метро и национальный парк "Гора Кармель", самый большой в Израиле лесной заповедник.

А на Северном побережье посетим столицу крестоносцев – Акко, Голанские высоты, споры о них велись в течение всей человеческой истории. В древности это был величайший природный барьер, который приходилось преодолевать на древнем пути к морю. Эта территория переходила под британский мандат, передавалась в сферу интересов Франции. С 1948 по 1967 г. сирийцы использовали Голанские высоты для боевых операций против Израиля.

Очень подробно, с картой в руках, познакомимся с Иерусалимом. О каждом камне, доме, улице, музее узнаем очень подробно, такого не услышишь ни от одного экскурсовода.

Прибежищем пророков, монахов и царей в течение многих веков была Иудейская пустыня. Здесь мы знакомимся со святынями Вифлеема, замками, монастырями, Соломоновыми прудами, пещерами, посетим знаменитую цитадель Масаду, самое популярное место паломничества израильтян и иностранных туристов после Западной стены (Стены Плача в Иерусалиме). Побывав там, вспомним историю, рассказанную Иосифом Флавием в его "Иудейской войне".

Среди достопримечательностей пустыни Негев назовем Копи Царя Соломона, Соломоновы столбы, Скалу-гриб (кусок гранитной породы в форме гигантского гриба).

И закончим путешествие в первом городе Израиля – Эйлате, так как именно здесь, прежде всего, оказались сыны израилевы после исхода из Египта.

Сине-зеленый малахит, который добывают в Эйлатских горах, называют здесь эйлатским камнем. Нам откроется коралловый риф и удивительный аквариум обсерватории "Коралловый мир".

Невозможно не полюбить эту страну, так как даже каждая страница путеводителя дышит любовью. Для тех, кто хочет туда попасть, открываются желтые странички полезных советов: как добраться до Израиля, что для этого сделать.

Знакомство со страной, справки, советы: куда поехать, где остановиться, чем питаться, как проводить время, что и где купить и другая полезная информация.

В добрый путь, читатель и путешественник!

1999 г.

СВЕТ ДВУЕДИНЫЙ

Этой осенью я побывала в гостях в Израиле. По возвращению домой друзья и знакомые задавали мне множество вопросов, главным образом, о благосостоянии и работе бывших биробиджанцев, но никто не спросил: а счастливы ли они там?

Долгое время я не могла ни рассказывать, ни отвечать... Вспоминала строчки известной поэтессы Сарры Погреб:

Пока не могу, не умею
Прижиться от Вас вдалеке.
Мы дома. Повсюду евреи,
Но что объясню я тоске?

Где же Родина для российского еврея, что он России и что ему Россия? Вопросы эти мучительны, особенно теперь, “ибо -, как сказал поэт Герман Гецевич, - этот исход грандиознее, чем из Египта”.

Ответ я нашла неожиданно в новой книжке стихов “Свет двуединый. Евреи и Россия в современной поэзии”, поступившей на днях в фонд областной научной библиотеки. В антологии, составленной Михаилом Грозовским под редакцией поэта Евгения Витковского, приводятся анкеты:

Отец - еврей, мать - еврейка. Сын - русский поэт.

Отец - еврей, мать - немка. Сын - русский композитор.

Отец - поляк, мать - еврейка. Сын - русский поэт.

Отец - еврей, мать - гречанка. Сын - русский поэт.

Отец - еврей, мать - еврейка. Сын - русский священник... И так далее. Это не бред испорченного компьютера. Это российская реальность XX века, от которой никуда не деться. Каждый впишет в конце строки первое пришедшее на ум имя. В первой строке не обязательно писать “Осип Мандельштам”, в последней - совсем не факт, что имеется в виду убиенный отец Александр Мень... Человек в значительной мере волен сам решать, кто он.

Помните, в романе М. Булгакова “Мастер и Маргарита” один из персонажей восклицает: “...вопрос крови - самый сложный в мире!”.

“Поэтом какого народа
Себя мне по праву считать ?
Мне матерью стала Природа,
А вовсе не Родина-мать”, - написал Анатолий Кудрявицкий.

Антология “Свет двуединый” включает в себя более сотни авторов и представляет поэтов России, Израиля и других стран, объединенных разделом “Зарубежье”. Составлена она по возрастному принципу, от старейшего автора к самому молодому.

По стихам отъехавших поэтов можно проследить, как на Святой земле это жгучее стремление бежать из России оборачивается тоской по оставленной матери-мачехе. Первый раздел “Россия” открывается стихами Аркадия Штейнберга:

Не кровь отцов,
не желчь безвестных дедов,
Переплавлявших камни через Нил,
Сильны во мне.
Иной воды изведав,
Я каплю Волги в жилах сохранил.

Но есть и другие стихи, в которых земля Израиля - единственно родная. Их написал израильский десантник Александр Алон, до приезда в Израиль носивший фамилию Дубовой. До самой трагической своей смерти в Нью-Йорке он не осознавал, что корней из России вырвать не смог: “... при всей нашей любви к русской литературе - не ей мы хотели служить, не ей посвятили жизнь, не ради нее взвалили на плечи это бремя добровольного долга, бессонных поисков, горьких неудач...”. Будь ты хоть сто раз гражданином действительно ставшего тебе второй родиной Израиля - никогда не отбросишь первую свою родину - Россию, покуда пишешь и говоришь на русском языке.

В российском разделе представлены поэты, в крови которых нет ни одного “еврейского эритроцита”. Это Борис Чичибабин, Евгений Евтушенко. В Израиле, кстати, Евтушенко просили читать не “Бабий Яр”, а “Идут белые снеги”. В этом сборнике напечатаны его стихи “Израильс-

кая Россия". Впервые здесь можно прочитать стихи Юрия Карабчиевского. А известный поэт Яков Козловский посвятил стихи Михаилу Блантеру "В песчаный берег врылась рота", о немце, играющем на губной гармошке "Катюшу".

...Играл в тоске,
Мой сон осиля,
Того не зная, сатана,
Что эта музыка в России
Была евреем создана.

В своеобразном еврейско-русском диалоге участвует и наш бывший земляк, иркутский поэт Анатолий Кобенков. Из наиболее известных поэтов Россию представляют Давид Самойлов, Борис Слуцкий, Александр Кушнер и другие.

Среди поэтов Израиля находим знакомые имена: Игорь Губерман, Рахиль Баумволь, Давид Маркин, Светлана Аксенова... Раздел "Зарубежье" открывается стихами Александра Галича "Вечный транзит", "Когда я вернусь". Здесь напечатаны неизвестные ранее стихи Александра Межирова, Наума Коржавина, Иосифа Бродского. Поражает стихотворение Льва Лосева.

«Понимаю - ярмо, голодуха,
тыщу лет демократии нет,
но худого российского духа
не терплю», - говорил мне поэт.
"Эти дождички, эти березы,
эти охи - по части могил", -
и поэт с выраженьем угрозы
свои тонкие губы скривил.
И еще он сказал, распаляясь:
"Не люблю этих пьяных ночей,
покаянную искренность пьяниц,
достоевский надрыв стукачей.
Эту водочку, эти грибочки,
этих девочек, эти грешки,
и под утро заместо примочки
водянистые Блока стишки...

…Вот уж правда - страна негодяев:
и клозета приличного нет", -
сумасшедший, почти как Чаадаев,
так внезапно закончил поэт.
Но гибчайшею русскою речью
что-то главное он огибал,
и глядел словно прямо в заречье,
где архангел с трубой погибал…

Потрясающий поворот! Все противно: от водочки до нужды сбегать во двор. Но огибается русской речью что-то - невоплощаемое, невыразимое и приковывает душу...

В последние годы еврейско-русский вопрос, прежде как бы не существовавший в России, получил легальное освещение. Появилось несколько антологий на еврейскую тему, в частности "Менора" Ады Калгановой. Идея новой книги вызревала давно, одним из инициаторов ее создания был Михаил Агурский, видный политический и литературный деятель Израиля. Приметы родства через судьбу, через душу просвечивают в собранных в ней стихах. Отсюда и название - "Свет двуединый".

Очень точно выражают суть антологии стихи А. Межирова, вынесенные в эпиграф:

…О двух народах сон,
о двух изгоях,
Печатью мессианства
в свой черед
Отмеченных историей, из коих
Клейма ни тот, ни этот
не сотрет.
Они всегда, как в зеркале,
друг в друге
Отражены. И друг от друга прочь
Бегут. И возвращаются
в испуге,
Которого не в силах превозмочь.

Единые и в святости,
и в свинстве
Не могут друг без друга
там и тут
И в непреодолимом двуединстве
Друг друга прославляют
и клянут.

В антологию вошли две статьи литературных критиков, известных в России - Льва Аннинского и Вадима Кожинова. В своей статье "Простывающий след Агасфера" Аннинский говорит больше о России: "...Что же это за страна, двоящаяся матерью-мачехой, за двести лет так и не разгадавшая, так и не принявшая льнувших к ней несчастнейших сынов?

...Россия, зависшая над темной бездной распада, из которой она чает выбраться на какой-нибудь ясный берег, горьким взглядом провожает своих пасынков, "из ничего" восстановивших себе родину, а евреи, оглядываясь на оставляемую Россию, оставляют ей неизреченную "мировую тайну", которую они отдали за маленький крепкий дом.

Кто прав?

Неразрешимо."

Вадим Кожинов, тот самый Кожинов, которого Давид Самойлов в "Памятных записях" назвал фашистом, выступил здесь с "Репликой в русско-еврейском диалоге". Кожинов считает свое участие в этой книге закономерным, так как долгое время вел диалог со многими поэтами, представленными в антологии.

Книга вышла в Москве в этом году в серии "Поэтическая библиотека", основанной в 1993 году, в эмблеме которой восклицательный и вопросительный знаки. Антология "Свет двуединый" выполнена с большой любовью. Суперобложка оформлена репродукцией картины художника Бернара Кесньо. Разделы предваряют прекрасные эмали Кирилла Шейкмана. Изданию предшествовала большая архивная работа, в которой участвовали профессор славистики Д. Сегал, сотрудники Иерусалимского университета М.Улановская и А. Грозовский, поэт Евгений Витковский.

1996 г.

Библейская энциклопедия: Репринтное изд. – М.: Терра, 1990.

Боттеро Ж. Рождение Бога. Библия через призму истории. – М.: ФОРУМ, 1998.

Вайсерман Д. Биробиджан: мечты и трагедия. – Хабаровск, 1999. – 504 с.

Вайсерман Д. Как это было? – Биробиджан, 1993. – 232 с.

Горький М. В его руках – факел... //Песах: Гагада: Литературно-исторический сборник. – Иерусалим, 1990. – с. 69-71

Гумилев Н. Людям будущего // Собр. соч. в 3-х т. Т.1. – М.: Худ. лит-ра., 1991. – с.45.

Дьяконов И. Древнееврейская литература // Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Худ. лит., 1973. – с.537. – (Б-ка всемирной лит-ры).

Евреи в России и ЕАО: восстановление исторической памяти, образования и культуры: Материалы научно-практ. конференции, 17 апр. 1998 г. /Ред.–сост. Г.А.-Романова: отв. за вып. Г.Л. Антонова. – Биробиджан: ОУНБ им. Шолом-Алейхема, 1998. – 42 с.

Евреи о себе и мир о евреях. – Биробиджан, 1991. – 16 с.

Косидовский З. Библейские сказания. – М.: Политиздат, 1966.

Кузьмина-Караваева Е.Ю. Из книги стихов “Руфь” // Избранное. – М.: Сов. Россия, 1991. – с.35.

Куприн А.И. Жидовка // Собр. соч. в 9 т. Т.3. – М.: Правда, 1964. – с. 250.

Куприн А.И. Суламифь // Собр. соч. в 9 т. Т.5. – М.: Правда, 1964. – с. 5-58.

Менора. Еврейские мотивы в русской поэзии. – М.: Иерусалим, 1993.

Мифологический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. Т.2. – М.: Сов. энциклопедия, 1988.

На одной волне: Еврейские мотивы в русской поэзии /Сост. Т. Должанская. – Иерусалим: Б-ка Алия, 1990. – 220 с.

Песнь песней // Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Худ. лит., 1973. – с. 625-637. – (Б-ка всемирной лит-ры).

Сборник статей по еврейской истории и литературе: В 2-х т. /Сост. и гл. ред. М.Жидовецкий. – Израиль: Зезам, 1992. – 688 с.

Свет двуединый: Евреи и Россия в современной поэзии /Сост. И. Грозовский; Под ред. Е.Витковского. – М.: АО "ХГС", 1996. – 520 с.

Толстой Л. Что такое еврей? //Песах: Гагада: Литературно-исторический сборник. – Иерусалим, 1990. – с. 69-71

Расин Ж. Есфирь: Трагедия в 3-х действиях // Сочинения в 2 т. Т.2. – М.: Искусство, 1984. – с. 269.

Рерих Н.К. Женскому сердцу // Рерих Н.К. О вечном...: Книга о воспитании. – М.: Политиздат, 1991. – с. 129-132.

Цветаева М.И. Аймек – Гуарузим – долина роз... // Сочинения. В 2-х т. Т.1. – М.: Худ. лит., 1998. – с. 91.

Шекспир У. Сонет 106 // Английский сонет XVI-XIX веков. – М.: Радуга, 1990. – с.221.

Штайнзальц А. Библейские образы. – Иерусалим: Шамир, 1991.

ОТ АВТОРА 3

Еврейская автономная область – взгляд изнутри 5

Особенности работы библиотек в помощь формированию национального самосознания и культуры межнационального общения 11

СЦЕНАРНЫЙ МАТЕРИАЛ

Знакомьтесь, Биробиджан.
Вечер-визитка 23

Бенефис газеты “Биробиджанер штерн” 39

Дочери Сиона.
Литературная композиция 55

Олицетворение вечности.
Литературно-музыкальная композиция 69

Памяти Переца Маркиша.
Вечер-портрет 83

Великий одессит (Исаак Бабель).
Вечер-портрет 97

Шаг от мечты до трагедии.
Литературный час ко Дню Памяти
жертв политических репрессий 107

ОБЗОРЫ

Прописка души.
Областной центр в творчестве поэтов-биробиджанцев 123

Гори же, гори, семисвечник 131

Окно в мир 137

Свет двуединый 147

БИБЛИОГРАФИЯ 155

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Управления культуры правительства ЕАО,
Отдела культуры мэрии г. Биробиджана,
Отделения Российского Еврейского Конгресса ЕАО,
Туристического агентства «Юнитрэвэл»,
Общественной организации «Культура 21 века»

Редактор

Художник

Технический редактор

Сдано в набор 1.04.2000. Подписано в печать 15.10.2000. Формат .
Бумага . Гарнитура «Майсл». Печать офсетная.
Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. . Тираж 100 экз.
Заказ №
Типография